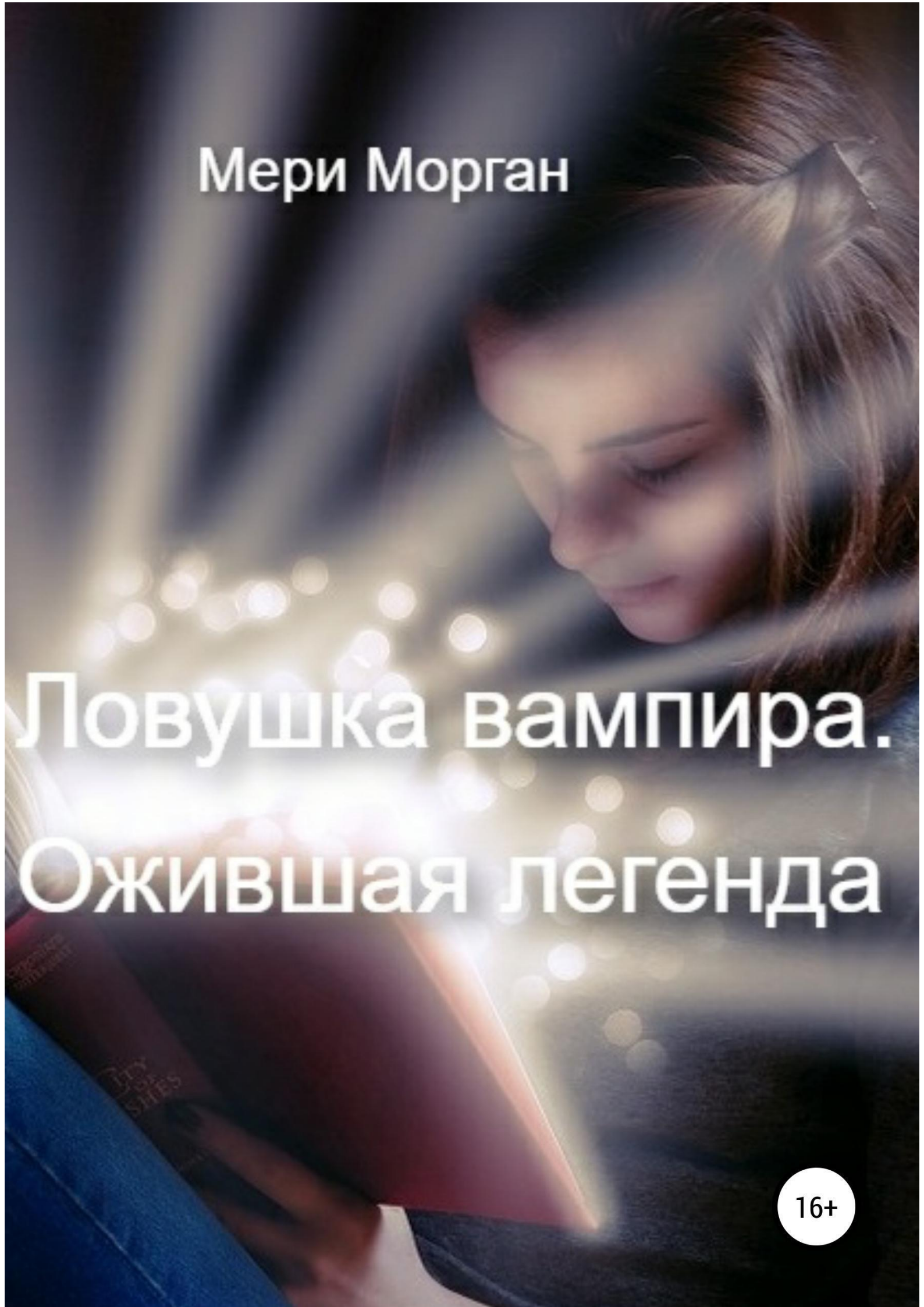

Мери Морган

Ловушка вампира. Ожившая легенда

16+

Мери Морган

**Ловушка вампира.
Ожившая легенда**

«Автор»

2021

Морган М.

Ловушка вампира. Ожившая легенда / М. Морган — «Автор»,
2021

Алена отправляется в очередное путешествие вместе со своей семьей. На этот раз их ждет страна книжных вампиров. Вот только вампиры оказываются не вымышленными, а сама Алена попадает в ловушку, ведь она приглянулась самому опасному из кровососущих тварей! Сможет ли семья выжить после столкновения с ожившей легендой? И как быть с зародившимися чувствами в сердце Алены к тому, с кем у нее не может быть будущего?

© Морган М., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1. В пути	5
Глава 2. Пугающие истории	12
Глава 3. Город цветов	16
Глава 4. Незнакомец	24
Глава 5. Завтрак	31
Глава 6. Замок Графа Дракулы	34
Глава 7. Загадка Дрэкула	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Мери Морган

Ловушка вампира. Ожившая легенда

Глава 1. В пути

Снова в пути. Моя семья часто путешествует, и я волей неволей оказываюсь в числе пассажиров их внедорожника. Не могу сказать, что я ханжа, которая выступает против любых увеселительных и познавательных мероприятий, но срываться посреди учебного года, потому что им так захотелось – это слишком. Возможно, я расстраиваюсь, потому что завтра в школе намечалась дискотека, и меня уже пригласил пойти вместе с ним именно тот парень, о котором я мечтала вот уже пару лет. А теперь все мечты мои пошли крахом. Сколько раз я просила родителей оставить меня дома, когда они очередной раз куда-то собирались, говорила, что это все не доставит мне удовольствие и не пойдет мне на пользу! Они же считали иначе. Особенно моя мама – истинный ценитель красоты. Для нее мировая художественная культура была вечным предметом изучения. Она даже бросила преподавать одноименную дисциплину только потому, что таким образом, как говорила мама, она не узнавала ничего нового, а лишь делилась полученными до того знаниями. Либо изучала ее, как она выражалась, «мертво» – знакомясь с историческими памятниками через их описания и изображения в книгах. Теперь она путешествовала по миру и сама писала те самые книги. Отец – простой, тихий человек, только потакал ее страсти и с удовольствием ехал в очередную поездку. Бывало, мы срывались с места настолько внезапно, что мама сообщала в школу о нашем грядущем отсутствии, уже направляясь в очередное странствие. В этот раз получилась та же ситуация. Я пришла со школы, мы поели, с младшим братом почитали сказку. Братя играли в компьютерные игры, одному было 17, он был всего на год старше меня, но делал вид, что намного взрослее и умнее, второму совсем недавно исполнилось 5 – милый темноволосый мальчик. Я, расположившись в удобном кресле, в очередной раз перечитывала вампирскую сагу. И тут заходит мама и объявляет, чтобы мы собирали сумки, отправляемся в Трансильванию. Несмотря на мою страсть к серии книг о кровососущих тварях, меня не воодушевила мысль поехать в страну, которая породила легенды о существах с острыми клыками. Меня в моих любимых книгах привлекали не столько вымышленные существа, сколько любовная линия персонажей. Был бы главный герой человеком, это не изменило бы мое отношение к книгам. В отличие от сверстниц, я не мечтала, чтобы мой избранник выделялся из общей массы оригинальными пристрастиями в выборе пищи или излишней волосатостью. Поэтому мысль о «фантастической поездке» вызывала лишь апатию. Под дружное «Ура!» после объявления матери мои братики понеслись в комнату. Я же лелеяла надежду остаться дома и через протяжное «Ну, ма-ам!» пыталась донести до нее свою просьбу. Но все оказалось бесполезно. Братя были только в восторге от подобных внезапных выходных. Но не я. Тихая, домашняя, я любила книги, тишину, домашний уют. Жизнь на чемоданах была не по мне. Мама в очередной раз сказала, что это пойдет нам на пользу, что мы будем потом вспоминать эти поездки с благодарностью, после чего не обращая внимание на мои доводы, пошла упаковывать вещи. Неужели она сама верила во все это? Или она себя специально убеждала в том, что все эти путешествия для нашего блага, а не ради утоления ее желаний? Я осталась в кресле, продолжила читать книгу с того места, где только что остановилась.

Сначала меня отвлек дикий крик мальчиков, направлявшихся вниз по лестнице с вещами наперевес. Потом спустились родители. Мама спросила где мои вещи. Я ответила, что возьму с собой только книгу. Мама взмахнула руками, но возражать не стала. Она не любила конфликтов. Она просто делала все так, как хотелось ей, без скандалов, рукоприкладств или уговоров.

Я пошла следом за ее гордой стройной фигурой, которую не испортили годы и рождение троих детей. У нас был один размер одежды, мои знакомые, которые не знали ее, воспринимали моей старшей сестрой. О нашем – моем с братьями – воспитании она никогда особо не пеклась и не заостряла внимание на оценках. Куда важнее ей было сходить в салон, на массаж, сделать маску или посетить библиотеку, оставив нас втроем абсолютно одних. Отец не предъявлял ей никаких претензий. Он почему-то всегда боялся, что идеальная в глазах остальных людей его жена уйдет от него, если он – совершенно обыкновенный, выросший в деревне, никогда особо не читавший книг, не посещавший картинных галерей и не разбиравшийся в стилях архитектуры, тихий, спокойный, мужчина с усами, довольно высокий и плотный – посмеет ей перечить. Тем более, когда жена своими книгами зарабатывает больше, чем они вдвоем зарабатывали до своих путешествий, риск ее потери увеличивается в разы.

В итоге, я, как героиня моей читаемой книги, сидела в машине, рядом со своими двумя братцами, в свободных джинсах и бежевом свитере, направляясь навстречу новым впечатлениям от страны книжных вампиров. За окном мелькали города. Нередко нам приходилось останавливаться на ночлег или для того, чтобы поесть, ну или ради мамы, которой приглянулся тот или иной пейзаж. Если бы не книга, я бы умерла от тоски. Братьям в отличие от меня все нравилось. Они либо перекрикивали друг друга, либо играли в игры. Старший еще любил погрузиться в наушники или переписываться в интернете со своей новой подружкой. Надо отдать ему должное, он был достаточно симпатичный, поэтому девушки ему все прощали, даже внезапные отмены свиданий за полчаса до него из-за любимой мамочки. При этом он не чувствовал себя виноватым. Окончив школу еще в прошлом году, он не торопился поступать в университет, ему нравилась беспечная жизнь, которую он вел. Никто кроме меня не пытался заставить его получить нормальное образование. Он просто отвечал родителям, что еще не определился, чего именно он хочет в этой жизни, ну а в мой адрес шли многочисленные сарказмы. Бывало, наблюдая за тем, как они с младшим братиком играли в игры, меня посещали ужасные предчувствия, что малыш мог стать таким же лоботрясом в будущем, как и Паша. Надеюсь, что своим примером я покажу младшему братику в какую сторону ему необходимо двигаться.

Уже стемнело. Я отложила книгу и стала вглядываться в темную даль за окном нашей ауди. Но в ответ видела лишь свое отражение. Тогда я оглядела всех вокруг. Мама, напротив меня, на переднем сидении, читала статьи в интернете. Допускаю, что это была информация о том городе, в который мы вот-вот приедем. Она всегда знакомилась с информацией в пути, так как почти все ее решения были спонтанными. Рядом лежала карта и некая книга о Трансильвании. Читать их было вредно в такой темноте, поэтому они были отложены до восхода солнца. Отец со скукой в глазах смотрел через лобовое стекло на серую дорогу. Он утепился в темно-синий вязаный свитер и теперь казался в два раза больше моей хрупкой на вид матери. Слева от меня братья играли в свои игрушки на планшете.

– Паш, оставь его, – попросила я, – разве не видишь, что Тема уже устал. Он хочет спать.

Я заметила, что взгляд у младшего был уже затуманенным, да и вся его фигура говорила о съевшей ребенка сонливости – он сполз на сидении, низко склонил голову и не так уверенно двигал пальцами.

Паша с Темой резко повернулись на меня. Артемочка был очень милым ребенком, его личико являло собой крохотное нежное существо с большими зелеными глазами, обрамленными черной линией ресниц, аккуратным носиком и губами. А Пашин взгляд больших карих глаз разительно отличался от Теминого – хитрый, наглый, и эгоистичный – последнее качество он явно унаследовал от матушки, парень постоянно заставлял меня чувствовать дискомфорт от нахождения рядом с ним. Паша был явно недоволен моим замечанием и собирался спорить.

– Я не хочу спать, я хочу еще немного поиграть, – возмутился Тема своим тоненьким голосом. И откуда только он научился врать? Паша был для него своего рода авторитетом – не

лучший выбор, – поэтому он пытался подражать парню, в том числе ложиться также поздно, как и старший брат.

– Это ты, мамочка, – дразнил меня Павел, – отстань от Темыча и читай свою книгу!

Он отвернулся и взял в руки планшет, который до того положил себе на колени. Тема тоже, вслед за Пашей, уткнулся взглядом в гаджет. Я вновь подумала об эгоистичности старшего брата, что-то внутри меня закипело.

– Я сказала, хватит на сегодня игр! – повысила голос я и, нырнув ближе к ним, схватила планшет руками. Я старалась выдернуть его у братьев, но Паша сильно вцепился в него руками и у меня никак не получалось забрать предмет его страсти.

– Отцепись! – кричал на меня брат.

– Отдай, говорю! – отвечала я ему в том же тоне.

– Тихо! – это уже был голос отца. Приказ был больше похож на рык, чем на человеческий тембр. Мы резко замолчали и опустили планшет, но из рук его никто не выпустил – ни я, ни Паша. Отец наблюдал наши лица через зеркало. Мы смотрели туда же, видя в отражении свирепый взгляд отца. Он никогда нас не наказывал, мягкий и понимающий, но в определенных ситуациях умел на нас хорошенько прикрикнуть. В эти моменты отец угрожающе смотрел на нарушителей общего спокойствия. И это работало безотказно.

– Не обращай внимания, Слава. Пусть дети сами разбираются. В жизни им столько еще придется решать! – абсолютно спокойно сказала мама с видом всезнающего человека.

– Мне очень хотелось тишины, а они развели тут бурю, – словно оправдывался отец. Он старался при жене особо не разговаривать и практически никогда не указывать нам, что делать. Наверное, самая частая фраза, которую я слышала в присутствии мамы от отца: «Да, дорогая! Конечно, Леночка. Как скажешь, милая». Главным воспитателем их детей были сами дети. И я боялась, что Артемочка может стать очень избалованным мальчиком, каким уже стал Паша.

– А с детьми без криков никак, Слава. Это дети, они очень шумные создания – и это правильно! Уж поверь, я прочитала уйму литературы на тему воспитания, – ответила она и отец, молча, кивнул. Мама посмотрела на дорогу, и радостно воскликнула, – Да, кажется, я вижу мотель. Нам нужно остановиться и поспать. Я уже устала, думаю дети тоже. Так что припаркуйся на стоянке.

Я посмотрела вперед и, действительно, заметила видневшееся впереди здание. Но почему мама решила, что это всенепременно должен быть отель, я не понимала, так как никаких опознавательных знаков я там не обнаружила. Паша воспользовался моментом, пока я рассматривала объект, к которому мы приближались, и дернул планшет в моих руках. Планшет выскользнул, чему он был очень рад.

– Так-то сестренка, не с тем ты решила бороться, – гордо сказал он.

– А мне уже не принципиально, сейчас все пойдем спать.

– Ах, ну да, детское время закончилось, и Аленушка спать захотела.

Это было издевательство в его устах, которое я тут же обернула в свою пользу.

– Да, детское время закончилось, поэтому Артемке надо спать. – Я выразительно посмотрела в глаза своего брата, а он небрежно приподнял левый уголок губ и еще пристальнее впился в меня глазами. Он не любил проигрывать, поэтому тут же призвал Тему себе на помощь.

– А мы уже взрослые, да ведь, Темка? – Но ответа не последовало. Его ухмылка спала, а брови нахмурились, он полуобернулся к малышу, снова призывая того к ответу. – Тём?

Я выглянула из-за плеча брата, так как он склонился над Артемом и закрывал собой лицо маленького брата, и за ним я обнаружила спящего пятилетнего ангелочка. Тема мирно посапывал, освобожденный от всевозможных гаджетов. Я невольно улыбнулась, завороченная открывшейся мне картине. Паша громко вздохнул и тихо, так чтобы не разбудить братика (иногда у него появлялись признаки гуманности) сказал:

– Предатель! – он снова повернулся, обратившись ко мне. – Ладно, в этот раз твоя взяла. Ты настолько скучная, что под твой монотонный голос просто невозможно не захрапеть.

Я состроила гримасу и отвернулась от Паши, довольная тем, что малыш теперь может спокойно поспать. Мы уже подъехали на парковку, и я обнаружила, что мама оказалась права. Была небольшая табличка, на которой значилось английское слово «Hotel». Я медленно вылезла из машины и осмотрела здание. Оно было серого цвета. Небольшое, свет горел только с правой стороны от двери. Почему-то оно мне не вселяло приятных ощущений. Дверь была сделана из дерева, а вывеска над ней, маленькая, бледная, словно не приглашала людей на ночлег, а прятала свою функцию, переживая, что кто-то сможет заметить это здание. Вокруг ничего не было. Я понадеялась, что внутри будет нечто похожее на небольшой бар. У нас закончилась вода, и меня вот уже как несколько часов тянуло смочить горло. Мама с папой уже направлялись внутрь здания, пока я разглядывала решетки на окнах гостиницы. Завидев, что родители зашли внутрь, я развернулась к машине и заглянула внутрь нее.

– Что ты сидишь? Бери Тему и пошли! – обратилась я к Паше.

– Вот еще! Может там вообще находится нереально! Пусть сначала они проверят, – кивнул он на дверь, намекая на родителей, – а потом уже и я пойду с Темычем.

Я грустно покачала головой, сказав, что нам там не жить предлагают, а просто переночевать. Паша недовольно заворчал, но взял Тему на руки и пошел следом за мною. Я открыла дверь, чтобы он спокойно мог пройти внутрь, и зашла следом. Внутри тоже было все серым и немного мрачным. Справа висели различные «бусы» из овощей, но в основном из чеснока. Рядом с входом была дверь. Что за ней скрывалось – не понятно. Слева расположился большой серый деревянный стол с двух сторон от которого стояли лавочки. Меня обрадовало присутствие хоть какой-то мебели. Существование места для питания предполагало и наличие блюд для этой цели.

– Странный у них интерьер с чесноком, – посмеялся мой брат, стоя чуть впереди с Темой на руках.

Меня это не так удивляло, зная про все вампирские байки о Трансильвании. А вот от отсутствия хорошего освещения было немного не по себе. Я любила светлые комнаты. А тут главным источником света служила люстра посередине помещения с большим круглым абажуром, который съедал большую часть отдаваемого лампой освещения. Вторым белым пятном, призванным давать хоть какие-то лучи света, был торшер, находившийся за столом администратора, чтобы тому легче было заполнять бумаги для отчетности. Поэтому здесь было довольно темновато. Остается надеяться, что в номерах будет несколько иначе.

Родители стояли возле ресепшена, если так можно было назвать допотопную тумбочку с дополнительно приделанной перегородкой сверху, чтобы посетители не особо вглядывались в писанины хозяина гостиницы. Они общались с мужчиной гораздо старше них. На вид он был таким же серым, как и его здание – потухший взгляд, широкий приплюснутый нос, узкие губы, поджатые кверху, русые волосы, изрядно покрытые сединой. Одет он был просто – в серую свободную кофту, застегнутую спереди на пуговицы и темно-коричневые плотные штаны. Судя по движениям его руки, он что-то тщательно записывал. К чему были такие долгие расспросы? Разве для него нужно получить столько информации, чтобы взять деньги на ночлег, тем более на одну ночь? Кропотливость старика возмущала еще и потому, что брат ныл от усталости, держа спящего Тему на руках. Какой там из него мужчина? Видимо, в его семье мужчиной должна быть его будущая избранница. Иначе как им выжить? Хотя... семья – это не про моего братца. Он даже в институт поступить не может. Так и будет у мамы возле юбки бегать до самых сединок.

Пока я думала над судьбой своего старшего братца, родители закончили заполнять бумаги и позвали нас следом за собой. Мы с удовольствием последовали за ними. Мне, как и остальным, не терпелось попасть в комнату с теплой постелью и предаться сну. Коридоры были

узкие, мы шли по одному друг за другом. А комнат оказалось не так много. Судя по всему, мы здесь были одни в эту ночь. Ну и седовласый мужичок, заведующий всем.

– Зачем было спрашивать про чеснок? Удивительный мужчина! – делилась своими впечатлениями моя мама, пробираясь вдоль по коридору. Следом за ней шел отец и поддерживал ее своим мычанием, означавшим, что он с ней во всем согласен. – Но он явно любит детей. Помнишь, как только мы сказали, что останавливаемся здесь с тремя детками, он тут же просиял?

В ответ последовало привычное «Угу».

– Еще один интересный факт, который я непременно отмечу в новой книге, – невозможно продолжала мама, – они все еще верят в сказки.

Я не поняла, к чему это было сказано. В этот раз она не пояснила свою мысль. Отец, наверняка тоже не совсем знал, о чем сейчас говорит наша мама, но не забыл «угукнуть» в ответ. Мама остановилась, посмотрев слева на номер двери.

– Так, 7... – она развернулась на 180 градусов – 8... – и, повернувшись обратно, ткнула пальцем на дверь справа от седьмого номера – 9! Вот! Это наши номера. Мы с папой идем в двухместный седьмой номер, – разъясняла она нам. – Мальчики в девятый, ну а ты, дорогая, в восьмой. До завтра, детки!

Она раздала ключи и скрылась с папой за дверью. Я взяла оба ключа – и 8, и 9, понимая, что Паше будет неудобно открывать дверь с ребенком на руках. Я отворила номер, пропустила туда Пашу и зашла следом. Когда мы очутились внутри, я ахнула. Оказывается сюрпризы, поджидавшие нас на первом этаже гостиницы, еще не закончились. В комнате было все в изумрудных тонах. Напротив друг друга, почти у самого окна, стояли две кровати с бархатными покрывалами. Слева от двери стоял деревянный шкаф, напротив окна небольшой деревянный столик с ночником. Над каждой кроватью были развешаны увиденные нами ранее «ожерелья», а в комнате стоял острый запах чеснока. Станный вкус был у владельца гостиницы. Мы привыкли, что номера украшают всякого рода картинами, часами, цветами, но не чесноком. Окно было завешено изумрудной занавеской. Что ж, несмотря на странности во вкусе мужчины, чувствовалось, что он пытался придерживаться какого-то дизайнера и цветового решения. Я расправила одну из кроватей, и Паша смог положить Тему в кровать.

– Фу-ух, наконец-то! – обрадовался он, разминая плечи.

– Тише ты! – злобно взглянула я на братца, накрывая Артемку одеялом.

– Да ладно тебе, мамаша! Твой сыночек спит как хорек.

– А ты стремишься его разбудить своими выходками?

Теперь и Паша обратил внимание на подвески над кроватью.

– Смотри-ка, и здесь чеснок! Интересно, это бутафория?

И заинтересованный мальчишка полез на кровать, чтобы снять висящие сверху чесноки. Стянув подвеску, он спрыгнул с кровати и начал ее разглядывать. Повертев в руках, он заметил, как посыпалась шелуха. Странно, что он не заметил запаха.

– Это настоящий! Настоящий чеснок! Ты прикинь! – удивлялся брат.

– Повесь обратно, – спокойно сказала я.

– Да ты пощупай! – протягивал он мне руку с чесноком. Я оттолкнула его ладонь и повторила просьбу.

– Фу, какая ты все же скучная! Повезло же мне с сестрой, – говорил он с иронией, вешая чеснок обратно.

– Какая есть, – ответила я. – Ложись спать, уже совсем стемнело.

– Да, мамочка. Надеюсь, ты не будешь целовать меня на ночь?

Я решила поскорее уйти, чтобы у Пашы не возникало желания и дальше со мной препираться. Аккуратно закрыв за собой дверь, я направилась к своему номеру. Зайдя внутрь, я обратила внимание, что здесь тоже стояли две кровати. А мама решила, что тут одноместный

номер. Что ж, не буду ее огорчать, все равно она выставит себя правой. Здесь тоже стояли шкаф и тумбочки, а на стенах висели пахучие ожерелья. Я заглянула в шкаф и достала оттуда большое махровое полотенце для душа и маленькое для лица. Теперь оставалось найти душевую комнату. Я вышла из номера. Закрывать его не стала, все равно воровать у меня нечего, даже если бы кроме нас здесь был кто-то еще. С машины, также как и с дома, я взяла с собой только книгу, а она, считанная до дыр, не представляла собой особой ценности. Я прошла до конца коридора и обнаружила наконец-то туалет и душевую. Хотя они и были довольно светлыми, что не могло меня не порадовать, ощущение мрачности не оставляло меня. И я очень обрадовалась, когда наконец-то добралась до своей комнаты и улеглась в постель. Чтобы привыкнуть к новой обстановке, я включила настольную лампу и принялась за чтение книги. Но мне стало еще более не по себе, казалось, что когда я опущу книгу, за ней появится голодное мерзкое существо, ждущее удобного момента, чтобы сожрать меня. Так и не сумев сконцентрироваться на книге, я отложила ее в сторону и улеглась на кровать. Свет я решила оставить включенным.

Проснувшись я от знакомого голоса. Меня звал Тема. Я открыла глаза и увидела перед собой его смущенный взгляд.

– Алена, я в туалет хочу. Отведи меня, пожалуйста, – сказал он тихо.

Так уж повелось, что как только с малыша сняли подгузники, я сажала его на горшок и водила ночами в туалет. Такое было редко, только когда он засыпал ранее положенного часа, не успев совершить все вечерние приготовления. Вот и сейчас он просил отвести его сделать то, что он не успел сделать перед сном. Я улыбнулась и встала с кровати. Взяв ребенка за руку, повела его уже знакомой мне дорогой. Указав ему на нужную дверь, я облокотилась на стену и ждала, пока Тема выйдет. Ждать пришлось недолго. Мы пошли обратно по коридору.

– Мне страшно. Мне здесь не нравится, – признался мне братик.

– Почему? Мы рядом, стоит закрыть глазки и станет светло и хорошо, – ответила я, намекая на приход утра. Мне не хотелось говорить маленькому братику, что мне здесь тоже не особо нравится, чтобы не пугать восприимчивую психику ребенка. Артемка только кивнул и всю оставшуюся дорогу до номера молчал. Остановившись на пороге 9го номера, Артемка спросил:

– А можно я лягу с тобой?

– Темочка, ты ведь не один, там Паша рядом.

– Паша обычно не слышит меня. Я еле докричался до него, чтобы он ответил, в какой ты комнате, – с грустью ответил малыш. Ну как тут не согласиться, когда тебя просят такие милые невинные глазки?

– Конечно можно. Пойдем.

Мы зашли в комнату. Я посадила его на кровать и стала снимать с малыша обувь, по привычке, как это было с момента его рождения. Иногда он противился, выказывая свою самостоятельность, но сейчас сидел тихо. Я положила кроссовки братика рядом с кроватью, и хотела было укладывать Тему, как он внезапно подался ко мне с криком «Кто это?» и спрятал лицо в моем свитере. Я резко подняла глаза. Напротив меня было окно. Только сейчас я поняла, что штора не была задернута. Видимо, перед тем как мне лечь спать, я не обратила на это внимания.

– Это просто окно, – пыталась я успокоить испугавшегося ребенка. Хотя было очень странно видеть на окне огромный крест. Либо у хозяина этого места были очень сильные предрассудки, либо он чего-то очень боялся, и это что-то было нечеловеческой природы. Я не стала над этим задумываться. Ночью любая мелочь может вызвать страх. Я не хотела ничего бояться, мне нужно было оберегать маленького человечка.

– Тебе кто-то померещился. Сейчас задернем шторы, и все будет хорошо.

Я встала, подошла к окну и, посмотрев сквозь него невозмутимым взглядом человека, которого ничего не может испугать, задернула шторы. Хотя внутри меня все дрожало. Но с занавешенным окном действительно стало легче.

Тогда я вернулась к малышу и уложила его в постель. Я пожелала ему добрых снов и поцеловала в щечку. Личико малыша выразило спокойствие и доверие ко мне. Я поглаживала его по голове, сжимая в другой ладони его руку. Когда рука совсем ослабла, я положила ее на кровать и легла напротив.

Глава 2. Пугающие истории

Проснулась я уже в озаренной светом комнате. Бросив взгляд на кровать напротив, я не обнаружила там братика. Видимо, он встал раньше меня и убежал к Паше, чтобы тот не считал его трусом. Да-а, мой старший братец не скупится раздавать ярлыки, даже когда речь идет о таком маленьком человечке, как наш Артемка. Разница в 12 лет его почему-то не волновала. Я сладко потянулась, и встала с кровати. Посмотрев в окно, я с удивлением обнаружила, что оно вновь открыто.

– Наверное Тема отдернул шторы, – проговорила я для собственного спокойствия. По крайней мере, следующей ночью нас здесь уже не будет.

Я заправила обе постели и вышла из своего номера все с теми же полотенцами в руках. Из номера мальчишек доносились веселые голоса, и я окончательно успокоилась, поняв, что с Артемом все хорошо и всему виной наше богатое воображение. Я сходила умыться и, оставив полотенца на своих местах, пошла в комнату мальчиков.

– Доброе утро, братики! – сказала я, зайдя в номер.

В ответ в меня полетела подушка. Я зашла как раз в самый разгар битвы. Но, несмотря на это, Паша решил пустить в меня свой единственный снаряд. Артем заливался смехом. Старший брат довольно улыбался. Я взяла подушку, которая так удачно прилетела мне в лицо, и бросила в Пашу. Так, я была принята в их утреннюю игру. Никто не заметил, как в дверь просунулся отец и наблюдал за нашими действиями. Паша первый увидел его внимательный взгляд, и остановил свою атаку, чем мы с Артемом тут же воспользовались, зарядив в него подушку и свернутое комом покрывало.

– Вижу, вы проснулись, – услышала я голос отца за своей спиной и невольно вздрогнула.

– Доброе утро... – со смущенным лицом обернулась я. – А мы тут играем.

– Заметил. Если что-нибудь разбили, то вам не сдобровать.

– А что тут разбивать? – уверенно начал Паша – Разве что вязанку чеснока.

Брат хихикнул со своей же шутки. Но больше никто не оценил юмора. Все замолчали и внимательно смотрели на отца.

– Мама проснулась. Так что наведите здесь порядок и шагом марш вниз. Завтракать будем. А сразу после этого отправимся в путь.

Он вышел. И Паша вновь осмелел.

– Завтракать! Чесноком что ли?

– Я чеснок не люблю – сообщил Артем.

– А я так вообще ненавижу! – бросил Паша и засмеялся.

– Хватит! – с угрозой посмотрела я на него и начала прибираться в их комнате. – Папа сказал, нужно собираться к завтраку.

– Ну вот, только стала оживать и снова госпожа мумия, – отреагировал Паша.

Он стал кривляться, изображая, как ему казалось, мумий. Артем смеялся. А я помотала головой и вышла оттуда, оставив начавшуюся уборку на мальчиков. Я пошла вниз, на первый этаж. Там еще никого не было. Мама всегда долго готовилась к выходу в люди. Я села за стол и стала ждать остальных. Из двери справа вышел тот самый мужчина, которого мы видели вчера. Он подошел ко мне и спросил на ломаном русском, буду ли я завтракать.

– Нет, спасибо. Я жду, пока все соберутся, – я вежливо улыбнулась и отвела взгляд.

Но вместо того, чтобы уйти, он сел напротив меня. Я снова посмотрела на него, его глаза выражали скрытое волнение. Он явно хотел начать разговор, но не знал с чего начать.

– А вы это... куда путь держите? – начал несмело он. Я не видела смысла что-то скрывать. Он, конечно, серый и странный, но не вызывает ощущение злого человека.

– Мы в сердце Трансильвании. В царство графа Дракулы решили скататься, – ухмыльнулась я.

Мужчине не понравился мой ответ. Может я зря так беспечно отзывалась о легендах, которые в его голове жили до сих пор. Потому что он заерзал на месте, еще больше разволновался. Его дыхание стало более громким и частым, он посмотрел из стороны в сторону и решил снова обратиться ко мне.

– Девочка, миленькая, послушай старика! Уезжайте вы отсюда. Нечего вам туда ехать.

Меня все более удивляло его настроение.

– Почему вы нас так отговариваете?

– Да не на что тут смотреть! – отмахнулся он.

И почему он нас выпроваживает? Что будет от того, что мы посмотрим на местные достопримечательности?

– Как же? А легендарные замки? Да и моя мама так запросто отсюда не уедет. Мы проделали длинную дорогу.

– В царство смерти вы едете, – тихим голосом, сказал мужчина. Он оглядывался вокруг, будто бы нас кто-то мог подслушать. По мне мурашки побежали от его поведения. А он продолжал:

– Разворачивайтесь. Даже Бог оставил это место. С вами маленький ребенок, хотя бы о нем подумайте. – Он помолчал с минуту и заговорил снова со своим сильным акцентом, но словарный состав меня поразил, будто он уже давно изучал наш язык и даже общался на нем. Взгляд старика был направлен куда-то вдаль. – У меня тоже когда-то была семья. Жена и ребенок. Случилась у нас эпидемия. Ну это тогда все подумали об эпидемии, но это само зло поселилось у нас в городе. Мы постарались не контактировать с больными, чтобы не заразиться странной болезнью, которая забирала у человека силы, что он просто не мог встать с кровати и угасал день ото дня. Жили себе дальше. Некоторые уехали. И нам надо было уехать. Но ведь как у людей обычно? Каждый думает, что его беда не коснется. Что у них все будет хорошо. Мы жили в достатке, со своей скотиной, с богатым урожаем, не хотели уезжать. Жили в поселке, а эта гостиница для проезжих нам приносила доход. Но в один ужасный для меня день все поменялось. Сын стал угасать с каждым днем. Лекаря приглашали, таблетки давали, усиленно кормили. Но с каждым днем жизнь его уходила. Не прошло и месяца, угас наш мальчик. Почти сразу же жену поразил этот недуг. Я до последнего надеялся, что хоть ее не забереет у меня смерть, но кто-то думал иначе. Помню, когда она совсем ослабла и не вставала, я зашел к ней в комнату и увидел, как над ней стоял склоненный мужчина. Я был у него за спиной, но он меня слышал. Он повернулся. Рот его был испачкан в крови. Я ахнул от ужаса. А он улыбнулся и выпорхнул в открытое окно. В тот же день я похоронил и жену. Я рассказал увиденное местным жителям, тем, кто остался, чтобы ушли они из города. Не знаю, что было дальше. В тот же вечер, после предания тела жены земле, я собрал вещи и перебрался сюда, в гостиницу. Поселился в одном из номеров и вот уже лет десять живу здесь. Но даже тут, вдали от города, я, бывает, чувствую дыхание смерти. Терять мне уже нечего, поэтому я не уезжаю. Защитился как мог, а там будь что будет. Но ваша жизнь только начинается. Не надо вам туда ехать. Послушайте меня.

Тут он встал и ушел в ту самую комнату справа от входной двери. На глазах у мужчины были слезы. Мне стало жалко его. Но помочь я ему не могла. Еще вчера, услышав его историю, я бы взяла Артемку на руки и убежала подальше от легендарной страны, куда глаза глядят. Сейчас уже было утро и, действительно, все казалось не страшным и не касающимся нас. Все страхи ушли вместе с темнотой ночи.

Родители и братья спустились к завтраку и сели за стол. Я сразу же рассказала историю, что поведал мне грустный мужчина. Мама лишь рассмеялась.

– Вот вредный старик! Решил напугать девчонку, чтобы впечатлений у нее было от поездки больше, чем следует.

– А я видел вчера ночью Дракулу, – внезапно сказал Артем. – В окне.

Невольно я вспомнила эту ночь, все мои страхи на секунду ожили. Но я взяла себя в руки. Я не маленькая девочка, чтобы верить в сказки.

– Темочка, – улыбнулась ему мама, – это, наверное, старик бродил вокруг гостиницы от бессонницы и невольно напугал тебя. Старые люди часто страдают бессонницей.

Артем не стал спорить, лишь послушно кивнул и продолжил водить по столу пальцем. Наконец-то, мужчина принес для нас завтрак, и мы принялись за еду. Яичница с овощами оказалась приятна на вкус. Паша, наоборот, ворчал, что ему подали такую «обычную» еду. Он ведь привык питаться деликатесами в подобного рода поездках. После яичницы мы еще выпили чай. Когда мы закончили есть, я поблагодарила мужчину за прекрасный завтрак и пошла за своими вещами в номер. Забрав книгу, я уселась за тем же столиком, где сидела за завтраком, и стала продолжать чтение. Теперь книга о вампирах, хоть и о добрых «вегетарианцах», вызывала в душе заметное волнение. Причиной была не трепетная любовь, пронзающая каждую главу книги, а само присутствие в сюжете кровососущих тварей. Я, сама того не ожидая, прониклась тем трагичным рассказом владельца гостиницы. А еще Артем увидел лицо в окне... Мне не хотелось думать обо всех этих устрашающих моментах перед поездкой в логово самого знаменитого в истории вампира, но мысли сами возвращались к таинственным загадкам, с которыми пришлось столкнуться в отеле. Суть книги ускользала от меня, и я закрыла ее, так и не дочитав до конца страницы. Как оказалось, вовремя. Навстречу мне шла вся моя забавная семейка. Наверное, из них всех я искренне любила только Артемку. Остальные были какими-то лживыми и противными моей душе. Если бы только я могла забрать своего младшего брата и переехать от них, но нет, терпеть мне их до совершеннолетия или хотя бы до поступления в вуз.

– Что, сестренка? Не терпится отправиться дальше? – спросил меня Паша.

– Да, хочется, чтобы эта поездка поскорее закончилась! – сказала я и, взяв в руки книгу, встала из-за стола и направилась к машине. Я слышала еще пару фраз, направленных в свой адрес, но не обращала на это внимание.

– Что с ней? – спрашивала мама.

– Да она зануда! – объяснил ей мой старший брат. – Она как старуха, вечно бубнит. И если бы не мы, она сидела бы на лавочке и читала все дни напролет и кроме своих книг больше ничего не видела бы.

– И в кого она такая? – удивлялась мама. Зачем ей было притворяться участливой матерью? А может она просто была возмущена моим непослушанием? Я не хотела особо раздумывать над этими словами.

Мы сели в машину и тронулись вперед. В этот раз я не стала открывать книгу (хватит с меня вампиров), а просто смотрела в окно, на мелькающие деревья. Мы приближались к жилой местности. Та картина, которую я увидела, несколько отличалась от моих представлений. Впечатления от деревни были неприятными, хоть и находилась она в красивом месте, наполненном яркими красками. Дома стояли старые, заброшенные, в основном деревянные. Складывалось ощущение, будто люди, ранее жившие здесь, убежали второпях от настигшей их напасти, возможно, именно про нее рассказывал старик, когда говорил о покинутой людьми местности. Двери нараспашку открыты, мебель, что виднеется сквозь окна, брошена, цветы на окнах стоят, а точнее лежат, завядшие без необходимого им ухода. А еще от некоторых дворов, мимо которых мы проезжали, ужасно смердело. Неужели, как и цветы, были брошены умирать без воды и еды домашние животные, привязанные или закрытые там, откуда не могли выйти без посторонней помощи? В душе все переворачивалось от явившихся взору картин. Что могло

заставить людей так поступить? Невольно бросало в дрожь. Что нас ждет впереди? Надеюсь, мы не столкнемся с тем ужасом, что пришлось испытать бывшим жителям этого странного места.

Если бы было возможно вычеркнуть из памяти картины брошенных умерших домов, то красота окружающей природы могла бы проникнуть глубоко в сердце с ее яркой зеленью вокруг, широкими полями, уходившими вдаль, словно нарисованный яркими красками ковер, небольшими холмами, тут и там придававшими особую теплоту пейзажу, и светлым нежно-голубым небом. Наверно ничто более не могло бы сравниться с такими живыми красками природы этого места. Мне казалось, что это резкое несоответствие не могло предвещать ничего хорошего.

– Чем здесь так воняет? – не удержался от комментария Паша.

Я повернулась в его сторону. Он выражением своего лица показывал свое ужасное недовольство, наморщив до предела нос. Тема смотрел на брата и копировал его поведение, морщась и оголяя свои маленькие зубки. Родители никак не отреагировали на заявление Паши. Он повернулся на Тему и засмеялся от реакции мальчика. Тема улыбнулся в ответ и сложил руки себе на колени.

Дома мы проехали, и стало намного легче дышать. Теперь ничто не омрачало окружающей нас природы. Мама достала фотоаппарат и стала периодически делать снимки. Часто результаты своих работ она выкладывала в приложении в конце своей книги об очередном путешествии, некоторые она помещала на свою страницу в социальных сетях, чтобы поделиться впечатлениями и рассказать о том, что готовится очередная книга – удивительная, увлекательная и, что самое ценное, правдивая, наполненная множеством необычных фактов. Мальчики вновь стали играть в свои планшеты, а отец все также спокойно смотрел на серую гладь дороги.

Глава 3. Город цветов

Мы приближались к городу Брашов, откуда, как говорила мама, рукой подать до замка самого Графа Дракулы. После истории, рассказанной седовласым стариком – владельцем гостиницы – меня немного бросало в дрожь от понимания того, что мы находимся в центре вампирской легенды, в городе кровопийцы, что приводил в ужас всех жителей Трансильвании и даже больше, всего мира. Хотя живописность мест, через которые пролегла наша дорога, заставляла отказаться от дурных мыслей и верить в то, что это все глупые предрассудки и ничего более.

Мы въезжали в Брашов. Это был чудесный старинный город, со сказочными аккуратными домами, расставленными вдоль дороги с яркими цветными крышами. Город будто бы представлял собой огромный букет, привлекая к себе внимательные восторженные взгляды. Повсюду были рассажены клумбы с оригинальными синими цветами, вперемешку с обычным... чесноком! Довольно интересный у местных жителей вкус – сажать в центре города чеснок. Но у каждого, как говорится, свои тараканы. Я не стала заострять на этом свое внимание и просто наслаждалась открывающимися мне видами. Так мы добрались до самой легендарной достопримечательности города – черной церкви. Вид у нее был величественный, хоть и немного мрачный. Мама вылезла из машины, мы последовали ее примеру. Она все рассказывала нам про то, что вычитала из книжек про город и церковь. Отец внимательно слушал. Но, кажется, он единственный, кто проявлял хоть какой-то интерес к этой теме. Мы же с братьями упивались окружающими нас красотами, не вдаваясь в подробности того, когда и для кого они были построены, что случилось с ними за годы их существования и как они дожили до наших дней. На улице было довольно оживленно. Местные бегали сломя голову, будто боялись что-то не успеть. А еще они как-то странно на нас косились, я бы даже сказала, что с какой-то опаской.

– А когда мы пойдем есть? – спросил Паша, отвлекая мать от фотографирования «черной» достопримечательности. Я оценила Пашу с ног до головы и сказала:

– Вот перестанет у тебя все съеденное уходить в рост, станешь большим жирным поросенком!

– А ты как была стрекозой, так и останешься! Фу! Посмотреть не на что! – быстро ответил тот и продолжил канючить еду. Тема его поддержал, сообщив, что тоже не прочь перекусить. Мы направились ко входу в симпатичного вида кафе, с надписью на английском (специально для туристов) «Завтрак» («Breakfast»). Само здание было персикового цвета, а дверь обрамляли выющиеся по железной арке синие цветы, что смотрелось необыкновенно романтично. Дверь была деревянная, из светлого дуба. Мама потянула за круглую железную ручку и та легко подалась. Когда мы вслед за ней вошли в заведение, нашему взору предстал милый декор под дерево, только стены и потолок были выкрашены в молочный цвет. Круглые деревянные столы аккуратно разбежались по залу в шахматном порядке в окружении приставленных к ним четырех деревянных стульев с высокими спинками. Возле стены располагались более вместительные столы – прямоугольные, с двумя лавочками по бокам. На каждом столе стояла белая конусообразная ваза с теми самыми синими цветами, которые мы видели в клумбах города и возле входа в кафе. А в правой стороне зала, почти в самом конце, спряталась дверь, по-видимому, на кухню, так как оттуда выходил обслуживающий персонал с подносами, полными всяких яств. Была еще одна дверь, напротив входа, но на ней не было никаких надписей, чтобы догадаться, что это. Четыре из девяти столиков были заняты, мы направились в правую часть зала, где выбрали второй столик от стены. Паша придвинул к нашему избраннику еще один недостающий стул, и мы замерли в ожидании, когда кто-нибудь к нам подойдет. Ожидание оказалось недолгим. К нам быстро подошла девушка в синем платье, с белым передничком и на английском языке обратилась к нам:

– Здравствуйте! Вы приезжие?

Мы с готовностью подтвердили этот факт. Тогда девушка, с горящими глазами начала описывать нам блюда их кухни, предлагая всевозможные варианты. Я чувствовала, как во мне просыпается аппетит от ее описаний блюд и от запахов, витавших вокруг.

Мама заказала первая, попросив не добавлять в еду чеснок, но девушка на это странно отреагировала, взмахивая руками и доказывая, что это неотъемлемый ингредиент их кухни.

– Я все прекрасно понимаю, но я не люблю чеснок! Так что будьте любезны...

– Нет, вы не понимаете... – с мольбой в глазах причитала девушка – по вашим жилам должна течь кровь, смешанная с чесноком. Ох, я неправильно выражаюсь, но, поймите, так будет правильно. Это необходимо для вашей же безопасности.

– Я пью витамины, так что никакой грипп мне не страшен! – не сдавалась мама. Ее характер был довольно упрямым. Я бы уже сдалась уговорам этой девушки с очень добрыми карими глазами, но не мама. Если ей что-то взбрело в голову, то ее ничто не остановит.

Я не заметила, откуда появилась женщина средних лет, она стала говорить с девушкой на своем языке, та немного еще поспорила, но уступила, что я поняла по многочисленным утвердительным кивкам головы. Женщина попросила у нас прощения и удалилась, а девушка повернулась к нам с виноватым видом и сказала:

– Извините мою настырность, это было очень невежливо с моей стороны. Мы не будем добавлять чеснок в ваше блюдо. Что еще будете есть?

Каждый сделал свой заказ, и девушка удалилась, пообещав быстро все принести.

– И что на нее нашло? – удивлялась мать, когда мы остались в кругу семьи.

– Дорогая, они просто хотели подать тебе традиционное блюдо без всяких изменений в рецепте.

– А может они просто подогревают еду, не готовят ее? – выдал свою версию Паша.

– Остроумно, братец! – не смогла сдержаться я.

Больше мы не перемолвились ни словом, пока не принесли наш заказ. Все пахло очень аппетитно. Изрядно проголодавшись, мы накинулись на блюда. Даже маленький Тема, довольно привередливый в еде, уминал ложку за ложкой. И только мама сохраняла невозмутимый вид с надменным видом разрезая еду, и долго смакуя каждый кусочек во рту. На нас то и дело поглядывали с соседних столиков, обсуждая что-то. Мне эти взгляды доставляли небольшой дискомфорт, что несколько отравляло вкус пищи. Утолив голод, я все острее стала замечать, как нас обсуждают. Мне казалось, что город был довольно посещаемый, чтобы иностранцы местным жителям были в диковинку, то ли мы настолько выделялись из общей массы?

– Где мы остановимся? – спросила я маму, чтобы как-то разрядить, создавшееся внутри меня напряжение.

Мама не спеша, прожевала очередной кусок мяса. Только потом подняла на меня глаза и с напускной улыбкой ответила:

– Дорогая, еще рано думать о ночлеге. Впереди длинный и, очень надеюсь, что плодотворный день. Мы еще успеем обойти несколько знаменитых архитектурных памятников, подышать воздухом нового для нас города.

– Ага, чесночным! – вставил свои пять копеек Паша.

Отец и Тема хихикнули в ответ на шутку сына, чему тот был очень рад.

– Жизнь слишком коротка, чтобы проводить ее в четырех стенах за страницами очередной сказки, – невозмутимо продолжала мама, будто бы не слышала саркастического высказывания сына и смех, последовавший за этим. Мне, как педагогу...

– Бывшему педагогу, – протянул нараспев Паша

– Как педагогу – еще раз повторила мама, – непременно хочется попасть сегодня в музей румынской школы. Там невероятное собрание книг.

– Ага, специально для тех, кто не знает румынского языка, – засмеялся Паша. Его тут же поддержал Тема, не столько из-за самой шутки, сколько из-за привычки потакать брату, как ближайшему образцу для подражания. Отец тоже невольно улыбнулся. Мы с мамой сохраняли невозмутимость.

– Как раз для таких, как мы, есть что почитать. Там хранится первая русскоязычная библия, напечатанная Федоровым.

– Милая, ты и нашу-то библию не считала до дыр, стоит себе на полке шкафа никем не тронутая, – сказал папа, но тут же осекся от брошенного на него грозного взгляда.

– Также непременно посетим музей на Ратушной площади. Каждый из вас сможет найти там для себя небольшой сувенир, я не поскуплюсь приобрести его для вас, – она улыбнулась собственному величию, гордая тем, что может позволить себе разбрасываться деньгами. Мама никогда не могла удержаться от упоминания о своих финансовых успехах. Братья дружно захлопали в ладоши. Думаю, Паша воспользуется случаем выбрать что-нибудь подороже, и больше напоминающее очередной гаджет, чем магнитик на память.

После сытного обеда, хоть и немного запоздалого, мы поднялись, отряхнулись. Паша повел Тему в уборную комнату, дорогу к которой услужливо показала нам та самая девушка спорившая с мамой. Мама пошла туда же подкрасить губы. Она любила яркий красный цвет помады, который очень подходил к ее волевому темпераменту. Мы с папой остались наедине. Повисло гробовое молчание – что он, что я были не особо словоохотливы. В это время к нам подошла официантка, которая только что отвела остальных в уборную, и начала с нами беседу, оглядываясь по сторонам. Думаю, она боялась возвращения нашей «добытчицы», и старалась рассказать нам что-то до ее прихода. Искренность и тревога в глазах девушки не давала мне повода усомниться в ее добрых намерениях, поэтому я постаралась внимательно выслушать ее, пусть она и говорила с ужасным акцентом.

– Вы должны меня выслушать. Извините, что я вот так навязываюсь. Я беспокоюсь. Столько детей... Жалко, если... Как бы вам объяснить, вы ведь совсем мне не поверите.

– Откуда вы так хорошо знаете наш язык? – вмешался папа.

– О, язык. У нас есть русский. Он научил нас, – она не стала вдаваться в подробности и заговорила о самой сути. – Вы не должны быть на улице после темноты, хм, захода солнца, – уточнила она. – Это опасно! И вы должны взять с собой чеснок!

В этот момент она схватила мою руку, смотря мне прямо в глаза. Первая моя реакция на неожиданное прикосновение была отпихнуть руку незнакомой мне девушки, но она крепко сжала мое запястье. Я напряглась. Девушка раскрыла мою ладонь и вложила другой рукой дольки чеснока. Я опустила голову, чтобы взглянуть на них. Там было 5 головок. Она сжала мою ладонь со странным сувениром и с одобрением улыбнулась. Я кивнула и вымолвила слова благодарности. Девушка повернулась на отца и с еще большей мольбой в голосе попросила не задерживаться, добавив, что мы можем найти приют в этом же здании. После этого она развернулась и убежала на кухню.

Я посмотрела на отца. Мне была интересна его реакция. Он пожал плечами.

– Они здесь странные. Верят в свои бредни. Только не бойся ничего, это всего лишь глупые сказки. Легенды. Может потому что местные жители в них так верят, Румыния остается одной из самых посещаемых иностранцами стран. – Он посмотрел на мой сжатый кулак и добавил: – это можешь выкинуть, она не видит. Нечего таскаться по городу с дольками чеснока в руке.

– Не могут же они себя так вести из-за каких-то легенд... – предположила я.

– Только не говори, что веришь в это! Возможно, их поведение вызвано стремлением обернуть сказку былью, привлечь больший поток иностранцев.

Я отвернулась, чтобы показать, что разговор закончен, тем более к нам приближались остальные члены семьи. Я вспоминала выражение лица этой девушки. Она была искренна. Не

думаю, что можно так претворяться. Незаметно для окружающих, я положила дольки чеснока в карман джинсов и взяла со стола свою книгу. После этого я поднялась, готовая к бесконечным скитаниям по достопримечательностям этого города до самой темноты.

– Алена, ты какая-то загадочная сегодня... – оценивающим взглядом прошлась по мне мама.

Было удивительно уже то, что она заметила во мне какие-то перемены. Возможно события ночи и рассказы местных жителей не могли не отложиться в закромах моего подсознания и теперь озадаченность с легким оттенком страха проступают на лице слишком явно для взгляда окружающих.

– Пошла бы подрумянилась!

На этом ее забота была закончена. А я уже начала беспокоиться, что в ней просыпается материнский инстинкт, но, видимо, это было невозможно. Зато брошенная ею фраза не могла остаться незамеченной для моего старшего брата. Подтрунивание надо мной являлась главной и, наверное, основной миссией его существования.

– Она всегда бледная амеба! Подстать своей любимой героине.

– Замолкни! – пыталась прервать я издевательства брата.

– Что такая злая, Эдварда своего не дождалась? Не беспокойся, ты даже для него будешь слишком бесцветной!

Я больше не стала вестись на его приколы, и пошла следом за родителями, взяв Тему за руку. Малыш внимательно на меня посмотрел, не забывая перебирать ногами, и изрек:

– Не слушай Пашу, он шутит. Ты очень красивая!

Я не смогла не улыбнуться. Несмотря на влияние брата, он оставался самым милым ребенком, которого мне приходилось видеть. Его комплимент стоил для меня тысячи других, потому что Тема еще не умел врать, а от его нежного голоса тепло расплывалось по всему телу.

– Спасибо, Артемочка! А ты самый красивый мальчик, которого я знаю!

Довольная улыбка появилась на лице братика. Он потянул меня вперед, так как мы успели отстать от наших родителей, замедлив свой ход.

Вскоре мы прибыли к месту назначения. Школа находилась на территории храма Святого Николая. Светлая, с изящно выполненным балкончиком, окруженная зеленью, привела в восторг маму, которая без устали фотографировала ее со всех сторон и интересовалась у профессора-священнослужителя, с легкостью говорящего на старославянском языке, историей этого здания. Я была поражена древностью книг, которые хранились в библиотеке. Артем смотрел на все с открытым ртом. Один Паша не особо интересовался происходящим, переписываясь с кем-то по своему планшету.

Мы не заметили, гуляя по старинному зданию, как прошло несколько часов. Мама потопила нас выйти из спокойного, умиротворенного места и двинуться в еще один пункт нашего путешествия.

Пришли мы на Ратушную площадь, когда уже начало постепенно темнеть. К нашему удивлению, продавцы уже активно складывались, поэтому мальчишки сразу побежали искать себе «сувениры», беспокоясь, что не успеют купить новую игрушку. Мама подошла к зданию музея, но ей сообщили, что он закрывается, и отправили в гостиницу.

– Но еще так рано! Почему? Сегодня какой-то праздник? – негодовала мама.

– Нам просто необходимо успеть до темноты, – ответил работник музея на английском и почти захлопнул перед ней дверь, но мама остановила его, ухватившись за дверь рукой.

– Я проделала дальний путь не для того, чтобы со мной так некультурно обошлись!

– Приходите завтра, с утра! Мы с удовольствием проведем для вас экскурсию по музею.

Мама не отпускала дверь, поэтому женщина, с которой она общалась, могла закрыть дверь только отделив пальцы настойчивого иностранца от руки.

– Пожалуйста, уезжайте в укрытие, вам опасно здесь оставаться – спокойным, почти ласковым тоном, попросила женщина. Мама, почувствовав слабость, тут же увеличила напор.

– Как только пройдемся по музею, мы тут же уедем. Ежели вы не согласитесь, я простою здесь всю ночь.

Женщина в ужасе ахнула и отворила дверь. Мама довольно улыбнулась, прошла внутрь. За ней вбежали мои братья, умоляя ее дать денег, пока продавцы не убежали со всем своим товаром. Мама отдала кошелек Паше и сказала, чтобы те ее догнали. Я последовала примеру мамы и зашла внутрь. Отец остался у дверей музея, в ожидании мальчишек.

Музей пришлось обходить галопом. Мама фотографировала экспонаты, буквально на бегу. Когда мальчишки с отцом зашли в музей и только начали осматриваться, мы уже бежали к выходу. Такого быстрого просмотра достопримечательности города у нас еще не было. Мама же осталась довольна, так как ей удалось добиться своего и приобрести материал для фотоотчета своим дорогим читателям. Ребята держали в руках по несколько предметов, радуясь, что подвернулась возможность воспользоваться набитым бумажками кошельком мамы и купить не по одному, а по несколько «сувениров».

Пока мама командовала дальнейшими действиями, женщины, работницы музея, о чем-то шептались на своем родном языке. Договорившись, они обратились к нам:

– Оставайтесь у нас, мы придумаем, на чем вам переночевать.

Мама усмехнулась такому предложению:

– Мне необходимы все условия: отдельный номер с душем, феном. У вас все это найдется? Думаю, что нет. Так что мы отправляемся в отель.

– Уже темно, чтобы выходить на улицу.

– Мы свободны от предрассудков. Идем! – скомандовала нам мама, и мы двинулись за ней следом. Отец уже хотел закрыть за собой дверь, когда одна из женщин просунула в щель синие цветы. Он на секунду задумался, но взял букет.

Мы шли по дороге. Отец по пути пристроил букет в мусорный бак, объявив, что от него дурно пахнет. Мы не торопились, наслаждаясь вечерним свежим воздухом. Заблудиться было невозможно, поэтому никто не сомневался, что минут через сорок, уже доберемся до места. А если по пути подвернется другой отель, то отдых наступит еще раньше. Странно было только то, что в этот ранний час улицы уже пустовали.

– Только половина шестого! Как можно так обращаться со своими посетителями? – все возмущалась мама. – Что за город такой? Обязательно опишу это в своей будущей книге. Пусть люди знают, с чем им грозит здесь столкнуться. Никакого такта!

– А вдруг монстры существуют? – спросил Тема.

– Не говори ерунды, сынок! Это все обычные выдумки для туристов, – ответила мама, и в тот же момент вдалеке раздался вой. Тема вздрогнул. Я приблизилась к братику и приобняла его, не сбавляя шаг.

– Ничего, Тема. Это собаки воют, – сказала я братцу и незаметно для него засунула чесночину в его курточку. Мы продолжили идти. Внезапно стало не по себе. Я осознала, что вокруг стало очень тихо. Просто необычно тихо. Я слышала каждый свой шаг. Оглянувшись, на удаляющийся из виду музей, я поняла, что незаметно для нас, будто в мгновение ока все стемнело. Нет, стояла не крошечная тьма, на город опустились сумерки. Но в небе не было видно звезд, его заволокли темные облака. Я посмотрела на лес, что шел вдоль дороги, по которой нам приходилось идти, и мне на секунду показалось, что вдали сверкнули два красных глаза. Я вздрогнула, Тема внимательно посмотрел на меня. Я тут же улыбнулась, давая понять, что все хорошо и не стоит ничего бояться. Но одновременно я несколько сильнее прижала к себе ребенка. Впереди шел Паша, и нервно поглядывал по сторонам. Видимо, ему тоже было не вполне комфортно. По родителям же не было заметно никакого волнения. Мне хотелось поскорее оказаться в помещении, я уже успела пожалеть, что не уговорила маму остаться в музее

до утра, я смогла бы придумать веский для нее аргумент, чтобы мы провели ночь хоть и без особого комфорта, но и не испытывая подобного стресса, как сейчас. Тогда я не особо предала значение словам женщин, остающихся на работе на всю ночь. Сейчас я понимала их страхи. В своем городе, гуляя даже по безлюдным улицам, мне никогда не приходилось испытывать подобного ужаса.

Внезапно я почувствовала, как меня что-то коснулось в районе шеи. Я обернулась, но никого не увидела. Мне становилось все больше не по себе. Вдалеке снова послышался вой. Это был волк. Теперь опасность казалась менее фантастической, но более явной.

– Может такси вызовем? – спросил Паша, нервы которого, по всей видимости, тоже начали сдавать.

– Здесь не так далеко, дойдем, – спокойно отвечала мама. Казалось, будто бы никто больше не замечал никаких перемен вокруг, – тем более мы не знаем, как вызвать машину.

Последний аргумент был особо убедителен, поэтому разговор тут же был окончен. Мы шли дальше, обстановка не улучшалась. Мое сердце готово было выскочить из груди. Я успокаивала себя тем, что с каждым шагом мы все ближе к приюту. А природа словно наслаждалась нашим страхом. Вой «серых псов» становился все чаще, а воздух охлаждался с каждым нашим шагом.

– Мне холодно, – не удержался Тема. Значит не у меня одной возникло ощущение смены погоды.

– Артем, ты мужчина! Должен уметь терпеть – сказала мама, даже не обернувшись.

Паша вполоборота посмотрел на братика и быстрыми движениями стянул олимпийку, оставшись в одной футболке. Мы остановились. Паша отдал мне кофту, а я помогла Теме ее надеть.

– Спасибо! – сказала я брату.

– Будто я тебе ее отдал, – усмехнулся он.

– Паша, спасибо. А ты сам не замерзнешь? – спросил Тема.

– Да мне жарко, братишка! Ты думаешь, я бы вот так пожертвовал тебе кофту, да ты брось!

Я не смогла сдержать улыбку, смотря, как его руки покрываются «гусиной кожей». Все же бывают у Паши проблески человечности, хоть и довольно редко.

– Дети, вы там скоро? – крикнул папа. Оказывается, они с мамой тоже остановились и ждали, когда мы сможем продолжить путь.

Я взяла Тему за руку, и мы двинулись дальше. Паша шел, скрестив руки на груди слева от Темы, и все поглядывал в сторону леса. Мне казалось, что он готовился в случае опасности принять удар на себя. На руке у него висел пакет с покупками, довольно внушительный, который постоянно бился о его ноги. Думаю, после этого у него останутся приличные синяки, но холодный воздух не позволял ему расцепить руки.

Дальше стали происходить еще более странные вещи, над нами пролетела летучая мышь, коснувшись моих волос. Я обернулась, но ее уже не было видно. Паша заметил это, и теперь мрачно сдвинув брови, искал глазами что-то на земле. Он остановился и поднял палку шириной где-то 3 сантиметра, длинную, как посох. Мы шли дальше.

– Что за дерьмо? – закричал Паша и резко повернулся на 180 градусов, размахивая своим оружием.

– Что случилось? – с опаской спросила я.

– Кто-то до меня дотронулся!

– Паша, Тема может поверить твоим байкам! Напугаешь ребенка! – ругалась мама.

– Да я не вру! Я могу поклясться, что что-то почувствовал! Большая такая рука прикоснулась к моему плечу!

– Хватит! – грозно закричал отец, обернувшись на Пашу. – Сам видишь, там никого нет!

Паша успокоился, но в его глазах читался страх. Я достала из кармана одну чесночину и протянула ее брату. Он сначала недоверчиво на меня покосился, потом о чем-то задумался и взял этот дар официантки из кафе. Мы шли дальше. Паша вместе со мной то и дело оглядывался, нас одолевало ощущение, что за нами кто-то следит.

– Алена, мы скоро придем? – спросил Тема.

– Скоро, конечно, скоро, – мне казалось, что мы идем уже целую вечность, и это никогда не кончится, но братику знать об этом было не обязательно.

Вдруг две темные фигуры перемахнули через дорогу со стороны леса. Я не сразу поняла, что это были два больших волка, наверное, те самые, вой которых мы слышали не так давно. Родители остановились.

– О, боже! – в ужасе воскликнула мама. Она пятилась назад, отец же сдвинулся вправо, пытаясь прикрыть всех нас своей мощной фигурой. Волки не спешили нападать. Они грозно рычали, были видны их клыки. Большие клыки! В фильмах они не выглядят так устрашающе, как на самом деле. А еще они облизывались, предвкушая свою трапезу. Мне захотелось одновременно кричать и плакать. В один момент я вспомнила и то, как не хотела ехать в эту поездку, и то, как мне всегда улыбался Тема, жизнь которого, также как и моя, могла оборваться в один момент, а ведь он еще такой маленький. Я вспоминала свои мечты, которым уже не суждено было сбыться, ведь рядом нет никакого укрытия, чтобы мы могли спастись. Мне было обидно, очень обидно за себя, за младшего братца, которого я так любила, да даже за Пашу и родителей, какие бы они ни были, они мои родные люди.

Мы все потихоньку отступали назад, не разворачиваясь к волкам спиной, они же также осторожно перемещали лапы, не давая расстоянию между нами стать больше. Будто бы издеваясь, они наслаждались нашим страхом, этим безысходным положением, не торопясь переходить к нападению.

– Дети! – шепотом сказал отец. Мы не отвечали, горло сковал страх, не дающий издать хоть какой-то звук. Но он прекрасно знал, что мы его слышим, поэтому продолжил также аккуратно, – как только они нападут, бегите без оглядки в музей.

– Папа, нет... – взмолилась я, понимая какой ценой кто-то из нас может спастись.

– Алена, не спорь! – сказала мама. – Это единственный выход в этой ситуации.

Каждый раз, когда я думала, что мне уже нечему удивляться, моя мама находила, чем поразить мое воображение. Ее спокойствию и эгоизму просто не было предела. Паша посмотрел на меня, утвердительно кивнув.

– Сначала побежите вы, – сказал брат, имея в виду меня с Темой, – потом мама, после вас я и папа.

В его словах сквозила обреченность. Он понимал, что волки не отпустят всех ради одной, пусть даже такой большой, жертвы. Второй раз за день, да и за долгое время, я с уважением посмотрела на своего старшего брата. Он открывался для меня совсем с другой стороны, нежели я привыкла. Мне не хотелось впустить в свою голову мысль о неминуемой смерти двух мужчин нашей семьи. И это, конечно, не являлось гарантией нашего спасения, просто шанс на него, ведь мы могли не добежать, нас могли не впустить в здание. Но другого выхода мы не видели. Над волками стала кружить летучая мышь. Ее глаза сверкали каким-то особым светом. Волки прижали уши и начали скулить. Она же приблизилась к нам, кружа прямо над нашими головами. Мы замерли на месте, замороженные происходящим, будто бы забыли про угрозу с огромными клыками перед нами. Мышь покружилась над нами, резко взметнулась вверх и снова опустилась в этот раз на уровне голов родителей. Полетав пару секунд, она напала, другого слова я даже подобрать не могу, на маму, царапая ее плечи, усеянные волосами, своими когтями. Мама кричала, размахивая руками, а мы наблюдали за странной картиной. Тут я словно отключилась от своего оцепенения и подошла к маме, отгоняя приставучее существо. Мышь в то же мгновение отпрянула, подлетела к мордам волков и, провисев в воздухе

несколько секунд, улетела в лесную глушь. Волки снова зарычали и двинулись на нас. Паша схватил мою руку и сжал ее, давая знак, что наш план вот-вот придет в действие. У меня сперло дыхание.

– Соберись! – шепнул Паша. Именно в этот момент волк, что находился несколько ближе взлетел вверх, совершая прыжок. Тема закричал. Я схватила его на руки и побежала, что было сил.

– Не смотри! – кричала я ребенку. – Не смотри!

Это все, что я могла выдать в этот момент. Мне было очень тяжело, но ноги будто сами несли меня вперед, не поддаваясь усталости. Видимо это и называют адреналином. В горле стоял ком, но сейчас было рано поддаваться чувствам. Тема кричал у меня на руках, а я все время твердила одно и то же «Не смотри!».

За спиной я слышала крики, шум, грохот. Внезапно до меня дошел голос, чужой голос. Я его никогда раньше не слышала: «Стой!»

Глава 4. Незнакомец

Ничего подобного раньше я не испытывала – чувство ужаса, горечи, отравляющей все мое существо и желание спасти любой ценой. Я спасала брата, отключившись от происходящего вокруг. Я решила потом осмыслить все происходящее, несколько дней рыдать в подушку сотрясаясь от съедающей меня боли всем телом. Сейчас мне было не до того. Как мне рассказали потом, в тот самый момент, когда волк бросился на отца, а второй приготовился последовать его примеру, рядом с нами, по дороге что было мочи, неслась машина – большой черный мерседес. Он резко затормозил, из окна показалось ружье, которое выпалило залп, один из волков упал, раненный выстрелом, другой завыл и унесся прочь, поджав хвост. Тут же передняя пассажирская дверь машины открылась, и оттуда показалось знакомое лицо молодого парня. Темноволосый незнакомец крикнул «Быстро в машину!» и отпрянул. Отец, поваленный на землю тяжелой тушей волка, оттолкнул убитое животное, встал, опираясь на одну руку, левая была разодрана и из нее сочилась кровь. Мама остановилась сразу после залпа и уже приближалась к машине.

– Алена, Алена стой! – кричал Паша, но я почему-то его не слышала. Я совсем отключилась от действительности.

– Прыгай в машину! – закричал незнакомец брату. Родители уже сидели в салоне.

– А сестра? – спросил у него Паша.

– Догоним, – ухмыльнулся тот парень, лица которого брату даже не было видно. Паша бросился на заднее сиденье, сразу поверив словам незнакомца, который уже спас их от растерзания волками.

Брюнет завел машину, включил заднюю скорость и быстро поравнялся со мной. Открыв свою дверь, он встал во весь рост, не вылезая из машины.

– Стой!

Его голос – ясный и волевой, тут же долетел до мозга сквозь мое затуманенное сознание и я очнулась. Остановившись, я тут же повернулась в его сторону. Он не стал церемониться, просто крикнул «Садись!» и тут же исчез в мощном внедорожнике. Я обернулась назад. Странно, но там уже никого не было и только кровавое пятно могло напоминать, что на том месте случилась какая-то неприятность. Я быстро метнулась к машине. Паша открыл заднюю дверь изнутри и взял у меня с рук Тему. После чего я залезла в машину. Мое сердце все также бешено стучало о ребра. Но голова постепенно прояснялась, а по телу бежала теплая волна. В этот вечер мы оставались в том же составе, что и раньше и важнее этого ничего не могло быть, даже раненая рука отца сейчас не вызывала во мне тревоги.

– Мы еще не сказали вам спасибо! – обратилась к нашему спасителю мама. – Но как вы оказались на этой дороге, да еще и с ружьем в машине? Или может быть вы охотник?

– В какой-то мере охотник.

Наш спутник оказался не слишком разговорчивым. Мама не сдавалась. Кажется, она уже задумала оригинальный сюжет, который непременно войдет в ее книгу, и для этого ей необходимо было провести серьезный допрос.

– Вы охотились на волков?

– Разве вас не предупреждали не гулять после того как стемнеет?

– Предупреждали, но нам казалось, что здесь боятся каких-то небылиц, а тут волки...

– Вам повезло, что это были всего лишь волки.

От его слов у меня по спине пробежали мурашки. Я видела в зеркале заднего вида его глаза, казалось, его холодность порождена какой-то ужасной трагедией. Может быть, я действительно перечитала романов, но в его ясных «морских» глазах отражалось застывшее горе.

– Что вы имеете ввиду под словом «повезло»? – спросила мама, но он не ответил.

Мы подъехали к тому самому месту, где остановились днем на обед. Рядом стоял наш автомобиль.

– В следующий раз даже на расстояние в пять метров поедem на машине, – сказал отец и мы стали выходить из автомобиля спасшего нас парня.

В кафе нас встретили уже знакомые лица. Официантка охала и мотала головой, заметив рану на руке отца. Хозяйка кафе поспешила закрыть за нами дверь.

– Его надо подлатать, принесите аптечку, – скомандовал парень. Было ясно, что он играл тут важную роль, но вот какую именно мы еще не знали. Женщина тут же повиновалась командирскому тону парня и быстро принесла небольшую белую коробку. Наш спаситель открыл ее и достал все необходимое. – Сейчас я обработаю рану и наложу несколько швов. Будет немного неприятно, – предупредил парень и не дожидаясь ответа принялся за дело. Он орудовал медицинским оборудованием как настоящий профессионал. Естественно, нам было интересно, кем же он является на самом деле: охотником или врачом? А может все вместе.

– Так вы медик? – не выдержала мама.

Парень не посчитал нужным отвлекаться от дела, просто кратко бросил «нет».

– Тогда откуда у вас познания такого характера?

– Мне нужна тишина, – сказал он. Маме это показалось довольно грубым, что я заметила по ее недовольному злому взгляду на парня, но говорить она больше ничего не стала. Я взяла Тему на руки, так как видела, что ребенок утомился и его клонит в сон. Братик быстро заснул на моих руках, я немного раскачивалась, сидя на стуле. Паша внимательно следил за движениями «местного врача». Отец несколько раз промычал от боли, но в основном держался стойко. Незнакомец хорошо справлялся со своей задачей, словно зашивал людей каждый день. Закончив, он встал, пожелал доброй ночи и удалился, спешно закрыв за собой дверь. Отец еле успел крикнуть ему вслед «Спасибо!». Мы остались в недоумении от странного поведения этого парня.

– Не обращайтесь внимания, он всегда такой, – сказала женщина, убирая со стола набор инструментов. – Пусть он черствый, иногда даже грубый, но у него очень доброе сердце. Искреннее доброе сердце. Секундочку.

Она удалилась в ту же дверь, что и молодой человек, унося с собой небольшой чемоданчик. Папа придерживал больную руку, было видно, что она доставляет ему дискомфорт.

– Пап, ты как? – поинтересовалась я.

– Все нормально, – кивнул он.

– А волки бывают бешеными? – спросил Паша не в тему.

Дверь открылась, снова появилась та самая женщина, унесшая чемоданчик, не давая нам продолжить беседу. За ней следом зашла молодая официантка, с тревогой вглядываясь в наши лица и кивая головой.

– Меня зовут Мируна, я содержу кафе. А это – Иона, моя дочь, она на раздаче у нас, – сказала хозяйка, указывая на темноволосую девушку. Они были похожи, обе круглолицые, кареглазые, с небольшой родинкой на подбородке. Их разделяли только года. Можно было еще днем догадаться, что они в родстве, хотя я, почему-то, в тот раз не обратила внимания на очевидное сходство.

– А парень, что спас нас, он откуда здесь? У него такой чистый русский.

– Вы о Вэли? Он русский, – ответила хозяйка, а дочь опустила глаза и немного покраснела.

– Что-то я не слышал у нас подобных имен! – усмехнулся Паша.

Мы все расселись за столик, готовясь к длинной ночи. Нам хотелось больше узнать об этой местности, людях, населяющих румынскую землю, и о том, что могло означать случившееся на дороге происшествие. Ну и, конечно, о парне, загадочном и храбром, который один из всех местных жителей не боится выходить в темное время суток.

– Вэли – не русское имя. Его зовут...

– Мама! – осекла ее дочь.

Та раскашлялась, несколько задумалась, глядя на дочь. Та ей возмущенно сказала что-то на их наречии, тогда хозяйка кивнула и продолжила свой рассказ, смотря на нас с серьезным видом.

– Еще когда днем вы пожаловали к нам в кафе, я видела стену внутри вас. Вы не верите нам, вы смеетесь над нами. Но вы могли наблюдать сегодня то, чего мы боимся и отчего так вас предостерегали.

– Волки? – спросила мама.

– Хуже! – ответила Мируна. – Тот, с кем вы сегодня столкнулись – очень опасен. От него почти невозможно спастись. Он питается нами, он – само проклятие.

Мама сидела напротив меня, поэтому я заметила, как по ее лицу пробежала доля скептицизма, но прерывать хозяйку она на этот раз не стала.

– Спасают от него только стены, впитавшие в себя святую воду, чеснок и вербена.

– Так вот почему вокруг так много цветов! – поняла мама. Я боялась, что еще немного, и она полезет записывать все в свою намечавшуюся книгу. Но она проявляла несказанную стойкость, пытаясь запомнить все происходящее.

– Да, именно чеснок помог вам остаться в живых. Кровь должна очиститься от чеснока и только тогда на вас может напасть вечноживущий. Но он может загнать вас в ловушку с помощью своих животных и дожидаться определенного часа, что он и попытался сделать. Вам очень повезло, что Вэли успел спасти вас.

– Да. Но почему он не боится этих всех... легенд? – спросил Паша. – Он тоже бессмертный?

После этих слов он засмеялся, оглядываясь в ожидании поддержки. Но ее не последовало.

– Нет, не бессмертный. Как он говорит, ему нечего терять. Он хочет убить его.

– Вампира? – догадалась я. Мируну и Иону передернуло от этого слова.

– Да. Он приехал сюда с родителями, как и вы, посмотреть страну. Но они попали в западню, где сумел спастись только Вэли. Тогда его звали другим именем. Это имя у нас имеет дурной знак, мы не зовем его так. Вэли уверен, что его отпустили только чтобы посмеяться над ним, чтобы он помнил этот момент всю жизнь и существовал в вечном страхе. Но он ошибается. Мы взяли Вэли к себе. Мальчик рос с желанием отомстить кровожадному убийце. Мы его назвали Вэлериу. Имя переводится как «сильный» – сильный духом, телом. Он был среди нас единственным мужчиной. Он организовал кафе, вел нас по жизни, этот маленький, живущий с раной в сердце парень. Он уходил по ночам, днями он учился, погруженный в книги, а также тренировал тело, технику удара.

– И он всегда был такой мрачный? – спросила я.

– Не мрачный, а грустный. Даже его улыбка всегда полна печали. – Тут женщина охнула.

– Что же это я? Вы ведь устали! Иона, иди, постели нашим гостям ночлег.

Девушка убежала все в тот же ход. Мируна удалилась на кухню и принесла нам оттуда бутылку молока и кружки.

– Выпьете молочка, оно обеспечит вам крепкий сон. Завтра поговорим, если у вас остались вопросы.

Она поставила все на стол и вновь вернулась на кухню. Мне казалось, что она просто боялась откровенных вопросов, будто бы не хотела накликасть беду. Я посмотрела по очереди на каждого члена моей семьи. Паша недовольно водил пальцем по столу. Мама достала ноутбук, чтобы напечатать пару строк из того, что удалось ей запомнить. Папа то и дело зевал, и поглядывал на часы. Тема проснулся и смотрел то на окно, то на дверь. Неудивительно, что рассказ впечатлил лишь открытого, восприимчивого ребенка. Я испугалась, что Тема не смо-

жет спокойно спать после услышанного. Я придвинула стул ближе и, приобняв ребенка, прошептала ему:

– Не бойся, мы в доме, нас никто не сможет достать. Да и повсюду цветы и чеснок.

Иона, спустя минут пятнадцать, пришла за нами и провела по коридору к двум комнатам.

– Одна – родители и мальчик, два – девочка и ребенок. – При этом она указывала на двери указательным пальцем, чтобы мы ничего не перепутали. – Ложитесь спать. Спокойной ночи. Не убирайте цветы и чеснок.

Она улыбнулась и убежала в сторону зала, откуда нас привела.

– Паша, не хочешь с Аленой и Темой поспать? – поинтересовалась мама, не горя желанием делить комнату не только с папой, но еще и с сыном.

– А я посмотрю.

Паша заглянул в комнату, предназначенную ему. Тут же вышел и заглянул в нашу с Темой.

– Да вы что? Там ведь даже не поместится моя кровать! – закричал он. – Не будем огорчать хозяев, я ложусь с вами!

Он, быстро открыл дверь и скрылся в комнате, показывая, что он все решил и его решение не может быть оспорено.

Мы с Темой зашли в комнату, предназначавшуюся нам. Мне здесь понравилось. Вся комната была усеяна цветами. Небольшая, она смогла вместить в себя только одну кровать на двоих, не слишком тучных, людей и маленький шкаф. На полу, у изголовья кровати стояли горшки с цветами, а сама постель была украшена головками чеснока. Окно было заделано мелкой решеткой так, что открыть его можно было бы, если только отпереть все засовы. Я заглянула в шкаф, на дне и верхней полке лежали головки чеснока. Я не смогла не улыбнуться, впечатленная заботой девушки, которая сегодня впервые нас видела. Я сложила на полочку свитер Темы и там же оставила книгу. Мне хватило сегодня рассказов о вампирах.

– Ну как тебе? – спросила я у братика.

– Мне нравится. Здесь хм... добром пахнет.

Я удивилась такому определению, раздела Тему и уложила его в постель. Вопреки моим ожиданиям, братик быстро заснул. Я сняла свитер, оставшись в легкой белой майке. Одежду я свернула и бросила в шкаф, поверх книги. После этого я легла рядом с Артемом, поцеловала его в носик и заснула. Мне приснился лес, в котором я убегаю от преследующей меня летучей мыши. Как только она коснулась моей спины, я проснулась. Тут же я включила фонарик на телефоне Темы и стала оглядываться вокруг. Как и ожидалось, все было тихо, никого кроме Темы не было. Я тихо встала с кровати и вышла из комнаты. В коридоре был небольшой свет от зажженного фонаря, видимо, оставленного для того, чтобы было легко найти дорогу в туалет. Я посмотрела по сторонам и решила выйти в зал. Наверно если я немного посижу, разрешив себе подумать о случившихся событиях, мне станет несколько легче.

Я открыла дверь в зал, там стояла кромешная тьма, но я почувствовала чье-то присутствие. Сердце внутри меня бешено забилося. Рука пыталась нащупать выключатель, и чем дольше у меня это не получалось, тем сильнее охватывала паника. Мозг отчаянно твердил «Беги! В коридор, там светло! В комнату, закройся на шпингалет!». Но я не могла подставить Тему, приведя опасность к нашей двери. Паника внутри меня настолько набрала силу, что я чувствовала, что вот-вот отключусь. И тут я нащупала выключатель. В зале резко стало светло. Я невольно зажмурилась, но закрывая источник света ладонями, пыталась разглядеть в комнате предмет моего страха. И я увидела его. И даже услышала.

– Господи! Выключи свет! Лучше я включу лампу, если тебе так важно освещение.

За столом, в самом углу сидел кто-то, закрывая лицо рукой. Открыты были лишь темные, как ночь, волосы и смуглый лоб. Хотя лица не было видно, я догадалась, что передо мной человек, спасший мою семью этим вечером. Я повиновалась. Свет потух. Он издал облегчен-

ный вздох. Внутренняя дрожь утихала, хотя сердце все еще ритмично пыталось выбить ребра и сбежать в тот самый направлении, где оно чувствовало себя безопаснее. На столе зажглась лампа. Это была переносная конструкция. От нее исходил слабый свет, но более приятный в этой обстановке. Я направилась к парню, чтобы присесть рядом за стол. Разговор должен был скорее вернуть мне спокойное состояние духа. Я отодвинула стул и почти упала на него. Парень поднял на меня удивленный взгляд. Я смущенно улыбнулась.

– Прости, что доставила тебе неудобство. Ты...эм... боишься света?

Парень издал небольшой смешок, но в глазах его появилось то тепло, которого всем не хватало вечером.

– Я же не вампир, чтобы бояться света. Просто глаза ночью привыкают к темноте. Яркие вспышки неприятны, не так ли? Не люблю крайности.

– Да, ты прав.

Я глубоко вздохнула и повернулась в сторону пустых столиков. Мне было неловко, что я так нагло подседа к можно сказать незнакомому парню и завела странный разговор. Но уже поздно было что-то менять.

– Почему не спишь? – спросил Вэлериу.

Я не ожидала, что он станет разговаривать со мной, ведь еще несколькими часами ранее он демонстративно показывал свое нежелание вести с кем-нибудь из нас диалог. А может это все мне только снится?

– Мне приснился дурной сон.

– И поэтому ты пошла сюда? Обычно девушки после дурного сна либо сильнее закутываются в одеяло, либо идут к знакомым, чтобы их успокоили.

– Ты много таких знаешь?

Мне почему-то было неприятно слышать его слова. Сама не понимаю как, но в моем голосе отразилось это ощущение. К моей радости, судя по его поведению, он этого не заметил.

– Нет, но Ионе, да и Мируне, раньше часто снились кошмары, пока они не поняли, что здесь мы все в безопасности. На окнах замки, ключи от которых они могут забрать у меня только утром. Да и весь дом усеян цветами и чесноком от вампиров. Хотя Ионе, бывает, снятся кровососы, даже спустя столько лет спокойствия и тишины.

– Почему ты не боишься называть вампиров...

– Вампирами? – он улыбнулся в ответ на мой интерес. – Потому что не боюсь встретиться с ними. Скажем так, я ищу встречи с ними.

– Зачем?

Его взгляд снова стал отрешенным. На лице застыла маска горечи.

– Он отнял у меня все. Я хочу отнять у него жизнь.

– Разве он не бессмертен?

– Ни что не вечно под луной, – он улыбнулся. Ощущение было, что он ненадолго погрузился в картины прошлого и снова вернулся в этот зал, освещенный одной единственной тусклой лампой. – Может чай? Если ты собралась просидеть здесь всю оставшуюся ночь, могу налить кофе.

Мне было приятно его расположение, хотя я и не понимала, чем удостоилась этой чести. Я попросила кофе и смотрела, как парень удаляется на кухню. Его широкие плечи и крепкие мышцы, ясно угадывающиеся под черной кофтой, свидетельствовали о постоянных занятиях, о которых говорила Мируна вечером. Уверенная спокойная походка показывала готовность парня встретиться с любыми препятствиями. Но тот взгляд... Неужели он не чувствует в жизни никакой радости? Все, что он делает, сводится к его цели – уничтожить вампира, убившего его семью. А что потом? Что будет, когда мечта осуществится? Жизнь потеряет смысл? Мне стало жаль парня, ведь я смогла за эти несколько минут нашего с ним общения разглядеть его добрую душу, израненную смертью близких ему людей.

Дверь кухни открылась, и я почувствовала аромат вкусного кофе. Мой знакомый нес две кружки ароматного напитка.

– Решил составить тебе компанию, – сказал он, ставя кружки на стол и присаживаясь напротив меня. – Не хочу оставлять тебя в одиночестве после всего случившегося в этот вечер. До сих пор вспоминаю твою бегущую на всех порах фигуру с ребенком на руках.

Я поперхнулась глотком кофе и немного откашлялась. Он беспокойно посмотрел на меня, но поняв, что все хорошо, продолжил говорить.

– Ты очень сильная. Быстро сориентировалась в сложной ситуации. Это не каждому под силу.

– Тебе под силу.

Он глотнул кофе и, посмотрев на свои руки, сказал:

– Нет, точно не мне. Когда убивали моих родителей, я стоял в оцепенении. Стоял и смотрел. Просто смотрел.

Он подпер голову рукой, я видела, как ему больно это вспоминать.

– Ты был ребенком.

– Девять.

– Что?

– Мне было девять.

– Ты ничего не мог сделать. Поверь мне, не нужно винить себя в случившемся.

Он улыбнулся, снова возвратившись в настоящее.

– Как кофе?

– Вкусно. Но не ожидала, что ты сваришь его так быстро.

Я понимала, что он намеренно перевел тему. Не хотел, чтобы его жалели. Видимо, разговор о вампирах и его семье на эту ночь закончен.

– Я не умею варить кофе. – Мы засмеялись. Мне понравилась его улыбка. Это было искренне, в отличие от предыдущего раза. Его синие глаза порой заставляли дольше положенного смотреть в их глубь. Я невольно чувствовала, что он мне начинает нравиться. – Я просто заварил растворимый напиток с помощью кулера.

Образовалось молчание. Мы просто пили кофе и смотрели друг на друга. Это не вызвало неловкости. У меня было ощущение, что это всю мою сознательную жизнь являлось еженощной нашей традицией – пить кофе напротив друг друга. Мне рядом с ним было хорошо. Интересно, ему тоже приятно находиться в моем обществе? Что-то мне подсказывало, что ответ должен быть положительный.

Он сорвался с места, как-то очень резко, чем вызвал у меня недоумение.

– Ты куда? – спросила я.

– Сейчас.

Он быстрыми шагами направился в кухню и вынес оттуда накидку. Расправив ее, он подошел и укрыл мне плечи.

– Прости, не сообразил сразу, что тебе может быть прохладно. Твоя кожа покрылась мурашками.

Я не стала говорить, что я сама этого не заметила, просто поблагодарила его за такой заботливый жест.

– Иона порой укрывается им, в прохладную погоду, когда работает на кухне. Думаю, она не обидится, что мы его одолжили.

Я кивнула.

– Мне говорили, что у тебя имя... ну... запрещенное, что ли для этих мест.

– Да, я привык что меня называют Вэлериу, Вэли. А твое имя?

– Алена.

– Какое непривычное русское имя. Алена. Приятно познакомиться, Алена.

В его устах, мое имя звучало как-то по-особому напевно.

– И мне приятно, Вэлериу!

Мой кофе закончился. Я отставила пустую кружку и сильнее закуталась в шерстяную ткань.

– Вы часто так путешествуете? – спросил он.

Я стала рассказывать о наших с семьей поездках. Вэлериу с радостью поддерживал беседу по поводу любой страны, о которой я рассказывала. Мы долго общались на эту тему. Также он расспрашивал о своей далекой родине, в которой не был уже как десять лет. Время шло незаметно. Я поняла, что давно настал новый день, когда заметила на его наручных часах, что маленькая стрелка указывает на римскую цифру три. Я охнула такому открытию. Вэли тоже был удивлен.

– Ничего себе! Три ночи. Мы с тобой уже четыре часа сидим. Алена, давай ты пойдешь спать. Не хочу быть причиной твоего утреннего плохого настроения из-за недосыпа.

– Не переживай, я сама сюда пришла. Ты не причем.

– Да? – улыбнулся он.

– Но поспать все же стоит, – кивнула я и встала из-за стола. Взяв свою кружку, я двинулась к кухне. Но Вэли догнал меня и остановил. Его рука коснулась моей, держащей кружку, и меня немного передернуло. Сердце стучало так, что его бешенный ритм отдавался в висках.

– Не переживай, я сам все уберу.

Парень стоял очень близко, и я даже боялась поднять глаза. А он не спешил уходить. Я судорожно сглотнула. Вэли молчал. Я решила поднять глаза и встретиться с его синим океаном, ставший слишком родным, для четырех часов общения. Он перевел взгляд на мои губы. Я застыла в ожидании его следующих действий. Вэлериу тяжело вздохнул и, забрав кружку из моей руки, сказал:

– Спасибо за общение, – он улыбнулся и тихо, еле слышно добавил, – жаль, что нам не по пути.

И он быстро скрылся на кухне. Я осталась стоять все в том же оцепенении, испытывая непонятную горечь. Мне захотелось расплакаться. Казалось, что я в одно мгновение потеряла нечто очень важное для меня. В горле стоял ком. На ватных ногах я пошла в комнату и села на кровать, обняв ноги руками. Слезы сами хлынули. Причем, я не особо понимала, почему плачу. Неужели я на что-то рассчитывала? Он ведь чужеземец, через два дня мы уже никогда не встретимся, так чего же я реву еще пуще прежнего из-за осознания этой мысли?

Глава 5. Завтрак

Всю ночь я не сомкнула глаз. Я все думала и думала. Пришла к выводу, что перечитала романов и ищу способ воплотить себя в образе одной из моих героинь, по крайней мере, я пыталась себя в этом убедить. Тема начал ворочаться, просыпаясь, и мне нужно было сделать вид, что я только что встала.

– Алена?

– Да, Тема? Проснулся?

– Доброе утро! А почему ты не спишь?

– Потому что я тоже уже проснулась. Доброе утро!

Я помогла ему встать и одеться. Мы не без труда нашли ванную, где смогли умыться и почистить зубы. Своим легким детским нравом он вдохнул в меня силы. Я собрала наши вещи, оставшиеся в комнате, свитер малыша и книгу, взяла брата за руку, и мы пошли в столовую. Когда мы вошли, то услышали, как суелись женщины. Со стороны кухни шел запах свежей выпечки.

– Кушать хочу!

Тема смотрел на меня с надеждой, что я что-нибудь придумаю с завтраком. Я невольно вспомнила, как ночью Вэлериу приносил мне кофе и тяжело вздохнула.

– Алена! – это была мама, она только что зашла в столовую. Я удивилась ее столь раннему пробуждению. – Вы встали? Что с завтраком, не узнавали?

В ней всегда было море энергии. Наверное я больше пошла в отца – спокойная и вedomая. Мама не стала дожидаться ответа и побежала на кухню, без особого такта отворив дверь и ворвавшись в разгар процесса готовки со своими насущными проблемами. Она уже с утра была на каблучках в ярком алом платье, выгодно подчеркивающим ее внушительный бюст и тонкий стройный стан. Боюсь, как бы приведенный на знакомство с родителями мой будущий парень не переключился на мамочку, так как грудь я, скорее всего, тоже взяла от папы.

Я отвела Тему к столу и попросила сесть. Он быстро исполнил мою просьбу и с надеждой смотрел на дверь кухни. Я устроилась напротив него. Мыслями я снова была в минувшей ночи. Дверь, ведущая в спальни, открылась. Я встрепенулась и с неприсущей мне маниакальностью смотрела, кто же из нее появится. Тут же последовало разочарование. Это был другой мой брат.

– О-о, младшие Никитины уже в сборе! А где наши старички?

Он был абсолютным антиподом Вэлериу – беспринципный, несерьезный. Шут гороховый, одним словом. Видимо, своим выражением лица я отчетливо отразила отношение к Паше и он начал снова ко мне придирается.

– Алена как всегда не в духе! – он пристроился рядом с Темой, стукнувшись с ним, в знак приветствия, кулаками. – Сестренка, ты вообще бываешь когда-нибудь довольная? Тебя нам в роддоме не подменили? Уж очень ты амебная.

– Паш, ты хотя бы с утра можешь помолчать? – проныла я.

– Сестренка, надо учиться общаться! Ты ведь не будешь всегда жить в книгах!

– Какая тебе разница?

– Ну ты же сестра моя! Я беспокоюсь.

Мне надоели его издевки, и я встала из-за стола, чтобы пойти на кухню, но тут появилась мама. Я тут же опустилась на место, с чего Паша не замедлил засмеяться на весь зал. Мама шла воодушевленная. Уверена, у нее снова получилось чего-то добиться от гостеприимной хозяйки. Почти тут же вышел отец, так что семья собралась в полном составе. Все расселись по местам. Мама объявила, что хозяйка с ее дочерью хотят позавтракать вместе с нами, и что они не намерены брать с нас плату.

– У них на завтрак огромная куча своеобразных булочек, для вас самое то, ну а я заказала себе овсянку с фруктами, – говорила она. – Снова были эти уговоры... Какие здесь люди навязчивые! Обязательно про это упомяну в книге.

– А еще бескорыстные, заботливые и добрые, – не удержалась я. Почему она склонна видеть в людях плохое, если они хоть немного ей перечат? Нас спасли эти люди от неминуемой смерти, дали бесплатный ночлег и еду, а она умудряется отмечать только негативные стороны.

Мама смерила меня насмешливым взглядом, явно говорящим, что я слишком строптивая с ней. Я постаралась сохранить невозмутимость.

– Пап, как твоя рука? – поинтересовалась я.

– Рука? – он посмотрел внимательно на забинтованную часть руки, словно успел забыть про свою рану. – Как новая. Хотя ночью болела, толком не спал.

– То-то я хорошо выспалась, не выслушивая твой жуткий храп, – засмеялась мама. Иной раз ее замечания могли ранить окружающих, но из-за своего невероятного эгоизма, она даже не замечала этого.

Мама достала телефон и старательно что-то в нем листала. Отец тихо смотрел на стол, в ожидании завтрака. Паша играл с Темой. Хоть где-то от него была польза. Ну а я не могла оторвать взгляда от двери, ведущей в спальню. Неужели он еще спал? Этого можно было ожидать, так как мы с ним много времени потратили на общение вместо сна. Но неужели ему не хотелось еще раз увидеть меня перед нашим с семьей отъездом? Неужели то мгновение ничего не значило для него, когда наши глаза встретились друг с другом, когда сердце стучало так сильно? В горле снова застрял ком, который так и хотел вырваться наружу слезами на глазах. Я неосознанно стала тереть лоб, чтобы как-то унять нахлынувшее желание поплакать. Дверь кухни открылась, я тут же обратила взор в открывающийся проем. Внутри появилась надежда, что оттуда сейчас выйдет Вэлериу все с тем же бодрым напитком, что и этой ночью. Но Иона закрыла дверь за выходящей с подносом Мируной. Я поняла, что больше мне не суждено его увидеть.

– Я отойду! – сказала я и побежала в туалет.

– Вот это приспичило тебе, сестренка! – засмеялся мне во след Паша.

Я спешно забежала в туалет и дала волю слезам. Я буквально задыхалась от слез. Не помню, чтобы мне когда-нибудь было так плохо.

– Что это со мной? Да что же это? – твердила я самой себе. – Дура! Дура!

Я не знала, как еще себя успокоить, поэтому смирилась со своими рыданиями. Теперь для меня было главное, чтобы никто, кроме меня, их не слышал. Я включила воду и опустилась на закрытый бочок унитаза. Сама себя жалея, свою несостоявшуюся первую любовь. Я плакала. До этого о чувствах я читала лишь в книгах. Никогда не постигала страдания героев, почему от любви может быть больно. Теперь я понимала всех тех девушек из романов, но им больше повезло, у них хотя бы были отношения. А у меня все ограничилось четырьмя часами общения. Слезы иссякли, боль в груди вылилась вместе с ними, и мне стало легче. Я умылась. На мои глаза страшно было смотреть, еще и нос покраснелся. Мне пришлось приоткрыть окно, уже освобожденное от решетки, чтобы ветер, хлынувший с улицы, освежил лицо и стер следы моего горя. Я посидела так минуты три и, удостоверившись, что результат получился хоть и не на все сто процентов, но довольно сносный, решила закрыть окно и вернуться к семье и двум гостеприимным женщинам.

Они уже во всю завтракали.

– Доброе утро, гостышка! – сказала Мируна, когда я приближалась к столу. Я тоже поприветствовала их и уселась на ранее занятое место. Рядом со мной уже сидела Иона, мальчикам пришлось немного подвинуться, чтобы мы все поместились за одним столом.

Передо мной стояла кружка чая и пустое блюдо. А вот на столе в самом его центре было огромное блюдо с выпечкой. Мируна мне объяснила, что и с чем она сделала. Я взяла аналог

хачапури и взялась уплетать его с чаем. Удивительно, но вылитые слезы добавили мне аппетита, хотя еще до похода в туалет, думала, что в меня ничего не полезет. Выпечка была очень вкусной, мама нас не баловала домашними блюдами. Я взяла еще один пирожок со вкусом вишни и начала уплетать за обе щеки.

– Аккуратнее, сестренка, еще станешь хрюшкой с таким аппетитом! – не удержался Паша, хотя сам не отставал от меня. Уверена, еще и до моего прихода он уже успел съесть парочку.

– Молчи, ей это не грозит! Не порть девочки аппетит! – махнула на него рукой хозяйка. Я улыбнулась ей в знак благодарности и сказала, что ее пироги очень вкусные. Та была довольна похвалой. Они долго говорили о кафе. При этом, Мируна всегда отмечала, что это именно Вэлериу помог им все организовать, да и сама задумка принадлежала ему. А меня каждый раз больно ранило упоминание его имени.

– Нам его Бог послал. Уж не знаю как бы мы жили, не будь его с нами.

– Кстати, а где он сам? – спросила мама и я замерла в ожидании ответа.

– Спит наверное. Он всегда ночью уезжает, почти всю ночь отсутствует, а до обеда отсыпается.

– А куда он едет?

– Не знаю, мы не лезем в его дела, так уж повелось. Он умный малый. Мне остается только молиться за него и все.

– Он сегодня не уезжал, – сказала Иона. – Я видела, как он пошел вечером в спальню. Я как раз шла умыться.

– Хм... тогда странно. Где он пропадает? Он очень редко остается ночью дома, и в такие дни утром всегда завтракает вместе с нами.

Мируна пожала плечами и сделала еще пару глотков чая. Я снова посмотрела на дверь, но она и не думала открываться. Родители уже беседовали с хозяйкой о том, где им можно остановиться, осматривая очередные достопримечательности. Та, с готовностью, отвечала на заданные ей вопросы. Так и прошел наш завтрак, и пора было выдвигаться в дорогу. Братья запрыгнули в машину, Мируна нарвала нам пучок цветов и дала горсть чеснока с собой. Я еще раз окинула взглядом наш недавний приют и заметила, как дернулась занавеска, будто кто-то резко ее запахнул. Мое сердце снова забилось, как тогда ночью. Что-то мне подсказывало, что это был он, Вэлериу. Я села в машину, захлопнула за собой дверь, но продолжала вглядываться в то окно, где видела недавнее движение. Машина завелась и поехала прочь от дома, который так не хотело оставлять мое сердце.

Глава 6. Замок Графа Дракулы

Выехав за пределы города, мы проехали лес, несколько мрачноватый на вид, и вновь подъезжали к очередному величественного вида зданию. Оно, можно сказать, располагалось на вершине скалы, в самом центре гор Трансильвании. Зрелище поистине грандиозное.

– Это сам, что ни на есть, замок графа Дракулы! Замок Бран! – судя по тому, каким тоном это было сказано, мама была в восторге. Видимо, это была одна из главных точек ее «экспедиции» по Румынии.

Она еще долго описывала историю здания и самой легенды о древнем вампире, которого продолжал бояться весь город. Мы вышли из машины и взирали на здание. Мне оно показалось довольно мрачным, даже дьявольским, то ли от маминых рассказов, то ли от тучи, которая расположилась именно над этим знаменитым сооружением, вопреки ясному небу вокруг. А пики здания, почти доставая до сгущения темных облаков, словно стремились проткнуть их и дать волю свету. Мама подошла к воротам, за которым следовала территория замка и попыталась их открыть. Но калитка не поддавалась.

– Странно, я читала, что здесь буквально каждый день проводятся экскурсии, так почему тут закрыто? Только не говорите, что нам повезло попасть в выходной день! Я обязательно должна попасть внутрь замка!

Тут, словно покорившись маминым требованиям, железная дверь со скрипом отворилась перед нами. Мама высокомерно подняла голову, оглядела дверь и уверенной поступью пошла вперед.

– А это уже современные технологии. Все в духе легенды. Двери открываются как по волшебству, мне здесь уже нравится.

– А мне нет, – тихо сказала я, так чтобы меня никто не услышал.

Мы двигались следом за мамой. Складывалось ощущение, что она ощущает себя хозяйкой замка. Вокруг него земля была выложена плиткой, не было ни одного растения, что показалось мне странным, так как весь город был усажен цветами и зеленью. Мы поднялись по лестнице, ведущей к входу в замок. Большая железная массивная дверь не заставила себя долго ждать, приотворилась так, чтобы мы смогли зайти в помещение и тут же захлопнулась. Я несколько вздрогнула от неожиданного щелчка, когда дверь закрылась, но тут же отвлеклась на разглядывание внутреннего убранства знаменитого архитектурного памятника. Прямо на нас смотрела огромная широкая лестница. По бокам от нее стояли две высокие вазы, пустые, но оригинальные, напоминали ветви, тянущиеся вверх. Правда, местные не позаботились оформить более оригинально стены замка, вокруг нас были обычные кирпичи, ничем не покрытые. По бокам от нас находились два прохода, плотно закрытые железными дверями. Я подняла голову наверх. Создавалось впечатление, что крыши просто не было. А величественная люстра висела в воздухе сама по себе. Сзади что-то вспыхнуло, и я в страхе обернулась. Это был камин, расположенный вблизи двери. Рядом стояло большое кресло. Я начала осторожно обходить его, чтобы понять пустое оно или там кто-то сидит. Кресло оказалось не занятым.

– Какое интересное решение. Замок наполнен всяческими чудесами. Я в восторге! – вновь обрела дар речи мама.

– Благодарю Вас, госпожа!

Я чуть не подпрыгнула от звука мужского низкого голоса, тут же посмотрела на лестницу. С нее спускался высокий темноволосый симпатичный мужчина стройного телосложения в черном костюме с длинным пиджаком. Большие глаза изучали каждого из нас по очереди, будто он мог открыть, мимолетно просмотреть, и закрыть историческую справку о нашей жизни.

– Вы меня смущили, эм... сер! – растерялась мама. Впервые видела, чтобы она так смущалась под чьим-то пристальным взглядом. Мужчина улыбнулся. Изучающий взгляд его вновь

уткнулся в маму. При этом он продолжал медленно приближаться к нам. Но делал он это столь грациозно, что его движения казались почти незаметными.

– Чем же я вас так взволновал? Поверьте, у меня и в мыслях не было доставить вам даже малейшую неприятность.

Мама расплылась в улыбке и часто заморгала глазами.

– Но такое обращение... госпожа... нам не свойственно!

– Ох, это! Но это вежливое обращение к красивой женщине, моя чудесная гостья! Доамна!

– Что?

– Госпажа, по-румынски. Простите, я приверженец традиций иных эпох, более древних.

Он уже стоял на одном уровне с нами. Я подошла ближе, рассматривая мужчину. Тонкое бледное лицо, правильные, несколько тонковатые бледные губы, большие выразительные глаза, которые приковывали к себе внимание. Его внешность можно было бы назвать красивой, если бы ее не портил острый орлиный нос с горбинкой. Тут он, словно почувствовав мой интерес, повернулся ко мне и, оглядев с ног до головы, сказал:

– Очень интересно, очень!

– Что Вам интересно? – спросила я, смотря ему прямо в глаза. Вдруг в них вспыхнул красный огонь и тут же погас. Я немного ахнула и насторожилась. Мужчина улыбнулся в ответ на мою реакцию ироничной улыбкой.

– Вы мне интересны, domnișoara¹, – он снова улыбнулся и отвернулся от меня.

В моей душе остался неприятный осадок от этого взгляда. Я точно видела огонь в глазах. Что это? Тоже какие-то фокусы или что-то пострашнее?

– Пройдемте в гостиную, не могу же я оставить своих драгоценных гостей голодными! – тут он посмотрел поверх нас и сказал кому-то – позаботиться о ночлеге для наших друзей!

Мы обратили свое внимание в сторону, куда смотрел этот человек, и заметили, как из темноты вырисовалась фигура щупленького пожилого мужчины в темном костюме.

Тем временем наш загадочный знакомый двинулся в левое крыло, если ориентироваться от входа в здание. Мужчина резко вытянул перед собой руку и дверь перед ним тут же распахнулась.

– Ого! А если я так сделаю, дверь тоже откроется? – в восторге воскликнул Паша.

– Не думаю, мой друг! – ответил тот, даже не повернувшись.

Мы смиренно шли за ним, словно послушное стадо овец. Мужчина повернулся в правую сторону комнаты и там загорелся камин. В гостиной тоже чувствовался вкус. В приглушенном свете огня был виден большой железный стол и массивные стулья с изогнутыми линиями, повторяющими линию спины. Их спинки были высокими для человека любого роста, поэтому создавалось ощущение не столько стула, сколько трона. – Присаживайтесь, дорогие гости!

Мы снова повиновались и расселись за понравившиеся места. По левую сторону от меня сидел Тема, по правую не было никого. Мама, расположившаяся в середине стола, слева от самого младшего из Никитиных, снова завела разговор.

– Знаете, на сайте я не видела подобных картинок. Поэтому вы меня приятно удивили. Очень красиво и в духе того времени.

– Спасибо! – сказал тот, кто расположился на «хозяйском» кресле, во главе стола, слева от нас всех. – Я делал все по своему вкусу, чтобы чувствовался дух этого места.

– Вы? Так вы играете Графа Дракулу в этой исторической реконструкции музея?

В ответ на мамино предположение раздался смех, от которого я покрылась мурашками.

– Музея? Какой же это музей? Это мое поместье. Да, какое-то время замок был собственностью города, но я вернул свои права на него. И, нет, я не знаменитый колосажатель. Я его

¹ Девушка (в пер. с румынского)

потомок. Поэтому и замок Брашов для меня – родное место. Ох, простите, я не представился, чем ввел вас в заблуждение. Просто ваш приход был для меня неожиданностью. Я – потомок Графа Дракулы – Дрэкул Цепеш.

– Ничего себе! Как вампир! – снова не удержался брат.

– Павел! Хватит нести чушь! Имей уважение! – тут же осадила Пашу мама.

– Ничего страшного, его реакция – такая живая и искренняя – меня только радует.

Я видела насколько хозяин замка очаровал маму. Его утонченность для нее была пределом всех мечтаний. Она словно окунулась в эпоху галантности и нарочитой жеманности, черты которой в нашей семье напрочь отсутствовали.

– Будьте так любезны, представьтесь и вы мне.

Щеки у мамы вспыхнули красным пламенем от понимания, что она погрузилась в высказывания и вопросы, при этом не назвавшись.

– Точно. Что-то я не подумала. Я – Елена.

– Прекрасная, – вставил граф Дрэкул.

– Что?

– Ну знаете, как в известном сказании.

– Ах, это! – она улыбнулась словно довольный кот, отведавший деликатес. Как же она любила подобную лесть!

– Вам подходит это имя! – он немного кивнул, произнося фразу. Его губ коснулась легкая улыбка. Я мысленно пожелала оставить этих голубков наедине, а самим уехать в недавний наш приют. Но, к сожалению, от мамы не получится так легко избавиться.

– Спасибо, эм... Дрэкул! Это мой... – она осеклась, словно не хотела выдавать своего семейного положения, но слово уже вырвалось, поэтому она продолжила, указывая ладонью в сторону отца – муж, Вячеслав.

– Рад знакомству! – Цепеш снова несколько склонил голову в знак уважения.

– А это дети, Павел, Алена и Артем! – называя наши имена, мама посмотрела поочередно на Пашу, потом на нас с Темой. Дрэкул не последовал ее примеру, сразу остановив свой взгляд на мне, будто все время, с момента встречи с нашей семьей, ждал момента, когда меня представят ему. Мальчики, по всей видимости, его не особо заинтересовали.

Я опередила графа с кивком головы, запомнив все его повадки, что он успел нам продемонстрировать, и тот снова загадочно улыбнулся.

– Прелестные создания, сказал он. Ну а теперь начнем трапезу.

Он щелкнул пальцами и в зал вбежали две девушки в фартуках с полными подносами еды. Они вели себя очень испуганно, ни разу не подняли головы и поспешно убежали за новыми порциями еды. Это было довольно странно. Граф держался подчеркнуто добродушно с нами, но поведение прислуги говорило о характере их хозяина иного толка. Я поняла, что с ним нужно быть начеку. Прежде всего, стоит понять, почему нас просто не прогнали. К чему вся эта любезность?

Девушки вновь вернулись с полными подносами. Граф говорил, что не ждал гостей. Но неужели такой стол для Цепеша накрывается ежедневно? Меня это все настораживало.

– Прошу, время обеда! Надеюсь, вам понравится здешняя кухня.

– Да мы, собственно говоря, здесь не первый день, – сказал отец.

– Да вы что? – удивился граф, как-то слишком подчеркнуто. Я бы сказала «Не верю», но с другой стороны, откуда он мог знать, что мы здесь уже второй день? – И где вы останавливались? Почему сразу не поехали ко мне в поместье? Я бы лично провел для вас экскурсию.

Меня уже немного тошнило от подобной комедии. Но мама прямо расплывалась от каждого его слова, его движения, жеста. Прямо театр какой-то. И мы здесь невольные зрители.

– Мы не могли предположить, что вы отнесетесь к нам так гостеприимно, будто близкий родственник на дальних берегах. Хотя, мы ведь даже подумать не могли, что этот замок нахо-

дится не в собственности у государства. Уверяю вас, как только мы отсюда уедем, я напишу об этом факте всему миру и о том, какой вы радушный хозяин, естественно, упомяну в первую очередь.

Дрэкул следил за каждым ее словом. Он будто бы выстраивал свой коварный план на наш счет. Мне так казалось. В любом случае, я очень сомневаюсь в его искренности.

– Так вы творческая натура? – спросил он у мамы с особым почтением. – Позвольте полюбопытствовать, в каких жанрах вы пишете?

Тут мама пошла в долгое повествование о своей «значительной» фигуре. Я встала с места, подняла тарелку в своей руке и стала разглядывать содержимое стола. Блюд было много, на любой вкус. Тут и мясо, и рыба, разного рода гарниры, салаты, соусы. Будто бы мы находились в гостях у самого короля, да и сами были царскими персонами. Выбрав наиболее аппетитное, я быстро положила себе на тарелку еды и принялась накладывать Теме, по его просьбе, салат с осьминогами и кусочек мяса. Остальные последовали моему примеру, особенно Паша накинулся на съестное, брал понемногу со всех тарелок. Маму такое поведение оскорбило, и она решила сделать своему старшему сыну замечание:

– Павел, ты как с голодного края!

Ее ноздри возмущенно порхали, а челюсть сильно напряглась. Она смотрела то на него, то на его тарелку, которая продолжала наполняться, вопреки ее недовольству.

– Милая заботливая мамочка, – съехидничал Дрэкул, от чего я поперхнулась креветкой. Мне захотелось засмеяться в голос. На мгновение мне даже показалось, что мы с ним подружимся. Я бросила на него полный уважения взгляд, но он в этот момент смотрел на маму и продолжал свою невысказанную до конца фразу, – не переживайте за сына. Его молодой организм прекрасно все переработает, а щеки наполнятся кровью от поступившей энергии. – Пробуй все, что тебе хочется, если будет нужно, я попрошу принести еще.

Последняя фраза была обращена Паше. Тот взбодрился от одобрения Дрэкула и поставил наполненную тарелку перед собой. А тарелка была невероятно большая и вместительная.

– А я хочу попробовать все блюда и потом подложить те, что особенно понравятся, – изрек брат и принялся запихивать в себя еду.

Отец последовал примеру брата, хоть и в меньшей степени. Один Дрэкул сидел с пустой тарелкой и смотрел на нас с довольным выражением лица. Я тоже остановилась в потреблении еды. В голове промелькнула картинка из японского анимационного фильма «Унесенные призраками», где родителей главной героини напичкали кучей еды и те превратились в свиней. Я немного мотнула головой, пытаясь избавиться от неприятных мыслей, и сосредоточила свое внимание на загадочном мужчине. Его посадка была столь ровной, словно сзади, к его спине, была приделана доска. Она не давала Дрэкулу расслабиться и заставляла держаться такой горделивой посадки. Но все это была просто моя фантазия. Хотя сердце подсказывало, что его надо опасаться. Мы встретились глазами. Меня пробрала дрожь от той резкости, с которой он перевел взгляд. Но я тут же заставила себя успокоиться. Ну не съест же он меня? Мы молча буравили друг друга. Только я отвлекалась на моргание, он же замер, словно восковая кукла. Только губы порой искривлялись в странной усмешке. Внезапно в моей голове раздался голос, его голос:

– Ты достойна стать королевой!

От такой неожиданности я подскочила. Стоя над столом в абсолютной растерянности я озиралась на обращенные ко мне лица. Я была в зале, но одновременно меня здесь не было. Я видела, как мама мне что-то говорила, но до моего сознания не доносилось ни слова. Я слышала только свое сердце. Оно стучало как-то слишком громко и больно. Я глянула на Тему. Он дергал меня за руку. На его лице застыл страх от моего внезапного странного поведения. Я услышала, как он сказал мне «Сестричка, Алена, что с тобой? Не пугай меня! Садись!». Но при этом губы его не шелохнулись. Мне стало не по себе. Неужели моя бурная фантазия

готова перерасти в шизофрению? Нет, я не могу этого допустить. Я посмотрела на Пашу. Он улыбался своей чудаковатой улыбкой. И вновь голос в моей голове, на этот раз голос Паши: «Вот чокнутая! Зато весело! Это самый прикольный день за все путешествие!».

– Сам ты чокнутый! – сказала я и поняла, что вошла в реальность полностью и обрела слух. Наверное, это было состояние шока. Я его уже испытала однажды, в тот ужасный день, когда нам грозила опасность. Но неужели я вижу такую же опасность в этом нашем новом знакомом.

– Что? – удивился Паша.

Но на наш скромный диалог никто не обратил внимание. Мама ругалась на мое некультурное поведение. Я тихонько села.

– Не обращайтесь внимания, – обратилась она к Дрэкулу, – она у нас немного странная.

Я не стала обращать внимание на подобные комплименты от мамы.

– Ничего. Мне нравятся необычные личности.

Такая симпатия мне была ни к чему. Я не смотрела на него. Смотрела перед собой, не поворачиваясь больше на странного хозяина этого места, и так прошло все обеденное время. К еде я больше не притронулась. А когда настало время вставать, подлетела первая.

– Вы наверное устали? Мои слуги отведут вас по комнатам.

– Мам, может вернемся в кафе? Там было очень комфортно ночевать, – обратилась я к маме, подойдя к ней впритык и говоря полупрошептом, чтобы больше никто меня не услышал.

– И так обидеть хозяина, который подготовил нам кров? Что ты, Алена? – ответила она, сдвинув брови. Потом, вновь приняв горделивое выражение лица, добавила, – да и темнеет, а ты помнишь, как здешние люди не любят выходить или принимать кого-то в темное время суток.

– Не любят? – незвано присоединился к нашему диалогу Дрэкул. – По-моему, это самое прекрасное время, воздух чист и свеж, полон нежности и романтики.

– Но нас же приняли тогда? – настаивала я.

– Да, как вы правы! – отвечала мама Дрэкулу, словно я стала призраком или человеком не достойным ответа. – Это чудесное время. Просто здесь сохранились давние предрассудки, сказки о вампирах, страх ночи...

– Как это дико в наше время!

– Абсолютно верно, дико! Они не хотят взглянуть на мир глазами современности, сменить затуманенное сознание на мышление нового человека, прогрессивное и свободное от предрассудков!

Мама снова начала умничать. Разговаривать с ней уже было бесполезно, она нашла себе собеседника. И чего такой «тактичный образованный» человек вклинился в наш с мамой диалог без подобающего приглашения?

– Тогда я сама доберусь до кафе Мируны! Я взяла со стула книгу и свитер, и направилась к выходу.

– Но куда же вы пойдете в такое время? Тем более что кругом много опасных животных! – бросился ко мне Дрэкул.

– Что? А как же ваш диалог про сказки?

– Сказки сказками, а волки у нас большие и вполне реальные. Я распоряжусь, чтобы вас отвезли туда на машине.

– Спасибо!

– Не выдумывайте, Алена останется здесь! Я так сказала! – взорвалась мама.

– Что ж, – обратился ко мне Дрэкул, – слово матери – закон. Я не смею ей перечить. Уверен, вам понравится ваша комната.

Он словно ждал такой реакции «Елены-прекрасной», и был рад возможности оставить и меня в своей ловушке. Моя надежда на отъезд из этого замка распалась. Я бы могла устроить

скандал, но в этом не было смысла. Тогда я повиновалась, следуя вверх по лестнице, вслед за всеми. Со мной поравнялся Тема. Его душевная мягкость действовала успокаивающе.

– Я рад, что ты осталась! – сказал он.

– Я бы не оставила тебя одного. Я бы вернулась за тобой в этот же день.

– Почему тебе здесь не нравится?

– Не знаю, Тема, не знаю. Просто есть какое-то странное предчувствие.

Мы двинулись по каменному коридору. На каждом шагу висел фонарь, который освещал нам дорогу. Сначала от нас отделились родители. Для каждого из них была отдельная комната, но одна, соединяющая комнаты, душевая. Сами комнаты были просторные, с огромными кроватями, застеленными алым расписным покрывалом. У стены стоял вместительный деревянный шкаф и небольшой комод. Окна были уже завешаны бардовыми плотными занавесками. Все смотрелось богато, по-королевски. Потом мы остановились у следующей двери.

– Здесь будут спать мальчики, – тихим высоким тембром обратилась к нам служанка и распахнула дверь.

Я снова заглянула внутрь. Обе кровати, среднего размера, находились в одной комнате. Застеленные зеленым покрывалом, они вносили в общую атмосферу оттенок тепла. Также, как и в комнате родителей, из мебели, кроме кровати, здесь располагались шкаф и комод. Сбоку была еще дверь, как сказала девушка, она вела в уборную. Я поцеловала Тему и братья скрылись из виду. Мы шли дальше. Я остановилась у следующей двери и спросила:

– Сюда?

Служанка покачала головой в стороны, и указал рукой, чтобы мы следовали дальше. Дрэкул шел рядом со мной, что вносило в эту вечернюю прогулку по коридорам замка некое напряжение.

– Я сам выбрал для Вас комнату, моя милая леди. Уверен, она подойдет вам своим светом и уютом, избавит вас от мрачных мыслей, наполнит теплом и легкостью.

Я промолчала. Мы пропустили еще несколько комнат и наконец-то остановились. Служанка снова открыла дверь и отошла в сторону. Я зашла внутрь, следом вошел Граф. Комната действительно была полна света. Кирпичных стен почти не было видно. Посередине стояла двуспальная кровать с балдахином, покрытая белым мягким пледом, по бокам стояли две тумбочки, а у ее подножия располагалась длинная банкетка. Под ногами стелился белый пушистый ковер, что тут же захотелось снять обувь и постоять на нем босыми ступнями, почувствовав ласковую негу мягких волокон. Здесь же были шкаф, комод, трюфель. Вся мебель была выполнена в белых тонах, расписанная золотом. С одного боку была дверь в ванну, с другой стороны молочными занавесками были занавешены окна.

«Как красиво!» – вертелось у меня в голове. Такая обстановка была мечтой любой девушки. На секунду меня посетила мысль о том, как бы было великолепно, будь это комната моей собственностью, но я тут же опомнилась.

– Ну как? Вам понравилась комната?

– Да, спасибо! Она шикарна!

– Комната королевы! – он легко коснулся моей руки. Я вздрогнула от этой неожиданной близости. Дрэкул нежно поцеловал мне руку и сказал, что больше не намерен мешать мне. Пожелал спокойной ночи и удалился. У меня внутри все переворачивалось от ошеломления. Почему он относится ко мне так по-особому? Какие у него на меня планы?

Я тут же заперла дверь, отошла на пару шагов, рассматривая ее, словно «Граф» мог через нее просочиться. Успокоившись, что ничего подобного не случилось, я подошла к кровати, погладила покрывало и села. В голове был сумбур. «Комната королевы!» пронеслись в памяти его слова. «Ты достойна стать королевой!» – также легла на нее фраза, прозвучавшая в моей голове во время трапезы. Что это все значило? Имеет ли это какой-либо смысл? И что это было, когда я словно выпала из реальности.

Я тяжело вздохнула, встала и пошла в ванную комнату. Здесь тоже все было по-королевски. Огромная ванная, шкафчик, повисшая между ними раковина с двумя отделениями для банных принадлежностей. Напротив располагался такой же белоснежный унитаз. Стены, как это ни странно, были белыми, но я не смогла разобрать материал. Я открыла шкафчик и нашла там махровое полотенце. Можно было принимать ванну. Настроив температуру, я разделась и опустилась в горячую воду, которая успела покрыть две трети глубокой ванной. Тепло постепенно обволакивало мое тело по мере заполнения ванны. Я заставляла себя расслабиться, но мозг не хотел повиноваться. «Я сам выбрал для вас комнату» – пронеслось в моем воспаленном мозгу. Но когда он мог это сделать? Все время он просидел за столом. Девушками повелевал издалека, не приближаясь к ним и ничего не шепча на ухо. Я не слышала, чтобы он распоряжился насчет выбора комнаты для меня. И почему такое особое отношение ко мне? Понимаю, если бы он уделял особое внимание маме, которая чуть в рот ему не заглядывала, когда он говорил. Но я, взбунтовавшаяся против него, зачем ему сдалась? Почему он показывает свое расположение ко мне? Или он не любит получать негатив к своей персоне и старается поменять мнение о нем в лучшую сторону или... я даже не знаю, что еще можно подумать или просто не хочу допускать иные мысли!

Вода набралась до необходимой мне отметки, и я выключила кран. По ванне расходился пар. Зеркало совсем запотело. Я чувствовала, как сон начинает одолевать меня. Тогда я решила вылезать.

Глава 7. Загадка Дрэкула

Ночь прошла без происшествий. Мне даже снились приятные сновидения. Так что проснулась я в хорошем расположении духа. Меня даже посетили мысли, что я зря так напустилась на добродушного хозяина. Я встала, умылась и стала изучать комнату. Шкаф был необычно большой для гостевой комнаты. Я открыла одно из отделений, там на вешалках висело три платья. Вынув их, я подошла к зеркалу и начала прикладывать по одному, любуясь отражением. Одно было белое, легкое, нежное, словно крылья ангела. Второе – кроваво-красное. Настолько сильные оно вызывало ассоциации, что я тут же отбросила его на кровать. Третье – черное, без рукавов, оно шло по фигуре, имело глубокий вертикальный вырез на ноге. Но все они были далеки от моего стиля – унисекс. Я повесила их на место и открыла следующее отделение. Здесь были полки. На них лежали две пары черных брюк и три кофты. Одна, как футболка, с коротким рукавом, вторая – с небольшим шлейфом, третья – теплый свитер-стрейч.

– Вот это бы меня устроило, хотя все черное, мрачное, в духе Графа, особого желания одевать его у меня вещь не вызывает. Интересно, кому это все принадлежало? – спросила я сама у себя. Сама же ответила, что не имею понятия и, сложив все обратно, принялась открывать еще одно, последнее отделение. Наверное, оно больше всего меня удивило – полки, полные книг. Я стала рассматривать их. Все они были на моем языке. Довольно странно. – Нужно спросить о них у Графа.

Я завершила осмотр шкафа, застелила кровать и решила, что на сегодня открытий достаточно. Выйдя в коридор (он мне уже не показался настолько мрачным, как вчера вечером) я пошла в сторону гостиной. Но тут, откуда ни возьмись, передо мной материализовался слуга Дрэкула. Я вздрогнула. А он лишь смиренно опустил голову.

– Что-нибудь желаете, госпожа?

– Нет, спасибо!

Он поклонился и пропустил меня, приглашая пройти по коридору в сторону лестницы жестом вытянутой руки. Я кивнула и двинулась вперед. И что хозяин делает со своими слугами, что они ведут себя так подобострастно? Я вышла на лестницу и увидела, что внизу меня дожидается Граф.

– Вы рано, госпожа!

– Пожалуйста, не называйте меня так. Мне это не нравится, – сказала я, спускаясь вниз.

Он неожиданно быстро оказался рядом со мной, преодолев ступеньки, казалось, в два прыжка.

– Как прикажете вас называть?

Он подал мне руку. Я замаялась, но не решилась отказать. Все же он подготовил хорошую комнату. Не нужно напоследок оставлять о себе плохое впечатление, а я надеялась, что наше общение закончится именно сегодня.

– Алена, называйте меня Алена!

Я снова столкнулась с его глазами. Сейчас их чернота была особенно заметна, когда свет прорывался из щелей занавешенных окон. Да и он находился в непривычной ко мне близости. Чернота тут же сменилась другим цветом, не менее страшным. В черных зрачках снова разгорелось неясно откуда взявшееся пламя, но я, на этот раз, никак на подобный фокус не отреагировала. Меня заставляла держать себя в руках мысль о нашей скорой разлуке. Он лукаво улыбнулся.

– Я рад, что вы сегодня в хорошем расположении духа. Отдых пошел вам на пользу.

Я тяжело вздохнула и отвернулась от собеседника. Мы продолжили путь. Он держал мою ладонь в своей, согнутой в локте и покрытой черной тканью, руке. Мою грудь сдавливало непо-

нятное чувство тяжести. Но я продолжала медленно спускаться вниз. Этот путь мне казался вечным. Я взглянула на Дрэкула. Он горделивой неспешной поступью продвигался вперед. В его фигуре было нечто величественное, и опасное одновременно. А еще ощущалось довольство сложившейся ситуацией. Казалось, что он рад моему сопровождению. Если бы он был моложе (думаю, ему сейчас около 36 лет), и нас с ним связывали бы общие интересы, да и вообще, если бы мы встретились не накануне днем, то я бы подумала, что я для него не просто гостя, что у мужчины на меня совсем иные планы, чем приютить случайного путника. Он повернулся, и я резко убрала взгляд, вперив его прямо перед собой. Мы спустились с лестницы и повернули в сторону гостиной. Иногда мне казалось, что он не идет, а плывет рядом со мной. Мои фантазии порой сводили мой разум с ума. «Я явно перечитала ужастики», – решила я. Мы зашли в зал. Здесь тоже все было занавешено, поэтому он щелкнул пальцами, чтобы включить люстру.

– Почему вы не откроете окна? Не экономите на электричестве? – пошутила я, когда он развернулся передо мной и заключил свое внимание на моем лице.

– Я могу позволить себе эту роскошь!

Дрэкул держался спокойно, без тени насмешки. Его глаза еще сильнее зажглись красным пламенем. Он взял мою руку в свою. Холодные пальцы водили по моей белой коже, хотя в сравнении с ним, она показалась довольно смуглой. На пальцах у него было много колец с огромными камнями, в том числе и на безымянных.

– Так у вас есть супруга? Я вижу обручальное кольцо, хоть и несколько нетрадиционного плана.

Он перевел взгляд с моей руки на лицо, изучая каждый его сантиметр. Мне было не по себе от такого неподдельного интереса.

– Супруга? Я мечтаю о нежной воспитанной девушке, что смогла бы разделить мою жизнь, наполнить ее смыслом, теплом. Я бы даровал ей все свои сокровища, осыпал бы ее подарками, любовался бы ею, как самым драгоценным из камней.

Я нервно сглотнула и не без труда вынула свою ладонь из его цепких лап. Он спокойно опустил руки вниз, но не сменил своего взгляда.

– А как же платья в шкафу? Они же кому-то принадлежали? Не могут ведь они висеть в ожидании чуда, – я тут же смутилась. Выражение было подобрано неуместно. Чудо – в понимании многих, феномен редкий, почти невозможный, поэтому выражение типа «надеяться на чудо» в отношении обретения им супруги могло быть воспринято как оскорбление. В какой-то мере неловкая фраза, вылетевшая по нелепой случайности из моих уст, свидетельствовала о моем негативном мнении в сторону Дрэкула. Мне не следовало высказывать его столь откровенно. – Простите, – поспешила исправиться я, – я немного неправильно выразилась. Просто такая смелая покупка... Вы ведь не знаете параметров вашей будущей супруги!

Я снова попыталась пошутить и вновь наткнулась на стену. На его лице ни один мускул не дрогнул. Он совершенно серьезно ответил на заданный вопрос:

– Отчего же не знаю? Вам бы оно было в пору.

Внутри все похолодело. Я судорожно обернулась на дверь и попыталась найти в ком-нибудь содействия, но там никого не было. «Где они, черт побери, пропадают!» – выругалась я про себя.

– Скорей всего, они все еще заботятся о своем утреннем туалете, – ответил, подошедший с левого боку Дрэкул. Только вот вопрос не был задан. У меня возникло непонятное опасение, что он способен читать мои мысли. Но я его тут же отвергла. Этого не может никто из людей. Просто вопрос, прозвучавший в моем мозгу, был слишком очевиден.

– Да, думаю, вы правы.

Я подошла к окну и распахнула одну его половину. Внезапно, я услышала, как Дрэкул метнулся в сторону, одновременно закричав:

– Что вы делаете? Немедленно закройте! Закройте окно! Я здесь хозяин! Я распоряжаюсь всем! И никто иной!

Я обернулась на него. Мне стало не по себе. Вместо симпатичного благородного мужчины на меня смотрел монстр. Его брови сдвинулись, нос покрылся морщинами, а губы искосились в ужасной злобе. Мне показалось, что он вот-вот набросится на меня. Я тут же развернулась и задернула штору назад. После чего я вновь обернулась на Графа, тяжело глотая воздух от возникшего в душе страха. Как загнанная в угол добыча, я наблюдала за хищником, пусть передо мной снова стоял полный величия и красоты хозяин поместья. Я не выпускала из руки кончик занавески. Не знаю, каким образом, но мне казалось, что она спасет меня в случае опасности. Он шагнул ко мне, и я тут же плотнее прижалась к занавескам. Дрэкул отступил.

– Я напугал вас? – он немного склонил голову, но не опустил взгляда, словно изображая укрощенного хищника. – Не отвечайте. Это очевидно. Простите, я не хотел вызвать у вас страх. Напротив, вы мне очень понравились. На будущее знайте, я никогда не открываю шторы. Это... фобия, как это называют ученые умы. Я на вас не злюсь за эту малейшую ошибку. Это не в моих силах. Не переживайте. Я выйду, чтобы вы смогли прийти в себя. Еще раз прошу прощения.

Он тут же развернулся и вышел вон из комнаты. Я еще с минуту стояла неподвижно, потом ослабила хватку и сделала несколько шагов от окна. Мне было спокойно в его отсутствии. Но не давали покоя воспоминания о его реакции. Никогда не слышала о такой фобии. Светочувствительность – да. Но фобия... Что ж, я не могу утверждать, что ее нет. Но подобная реакция выходит за пределы моего понимания. Еще смущает эта его фраза «на будущее». Что в ней кроется?

Пока я размышляла над всеми этими загадками, в зал вошли братья. Паша громко смеялся, оглядываясь на Тему. Желтая футболка оттеняла его загар, да и вообще он любил яркие вещи, в отличие от меня. Мама всегда говорила, что должно быть немного наоборот и что наши с ним гены запутались в животе, хоть и разница у нас в год. Артем шел следом за братом и тоже чему-то улыбался. Их беспечный вид отвлек меня от странных мыслей. Я скрестила руки на груди и оперлась о стену.

– Алена! – заметил меня Тема. – Доброе утро!

– И тебе доброе, Артемка!

– Ты видела дядю? Он нам фокус показал!

– Какой такой фокус? – сдвинула я брови в недоумении.

Тема стоял рядом со мной, обнимал меня и смотрел своими большими глазами вверх, мне в лицо. Паша тоже подошел, и я приготовилась к очередной порции любезностей.

– Артем, она же у нас древняя, ей про фокусы никто не рассказывал. Не смотри, что она вечно с книгами ходит, это так, для вида. Хотя, одну единственную она все же читает – про вам-пиии-рааааа!

Он поднял руки в стороны, словно изображая крылья, и оголил зубы, будто у него вот-вот должны были вырасти клыки.

– Поучился бы поведению у хозяина поместья! – ответила я.

– У-у, ты уже жениха нашла? Ну, если подумать, – он приложил руку к подбородку и вперил взгляд в потолок, будто размышляя о чем-то, – весь в черном, бледная кожа, загадочный такой... сестричка, да ты нашла своего вампира! Поздравляю! Совет вам да любовь!

Паша засмеялся, восхищаясь собственной шуткой. Мы с Темой переглянулись, я пожала плечами, и мы с младшим братом остались совершенно спокойными. В зал зашла мама, а следом и отец. Мама сегодня была особо свежая и красивая, видимо, приложила усилия, чтобы понравиться Графу, что не скажешь о папе. Он шел медленно, с трудом передвигая ноги, бледный и сонный.

– Пап, что с тобой? – спросила я.

– Ой, он с самого утра какой-то квелый. Страшно смотреть! – ответила мама с недовольным выражением лица. Она встала у окна и приоткрыла штору, чтобы выглянуть на улицу.

– Лучше закрой, – сказала я ей.

– Что это ты раскомандовалась? – высокомерно взглянула она на меня и еще сильнее приоткрыла штору.

– Пеняй на себя! – я отвернулась и продолжила говорить, будто обращаясь сама к себе.

– Дрэкулу это очень не понравится.

Мама косо посмотрела на меня, обдумывая слова, что я только что сказала. Хотя она в этом не видела логики, прикрыла занавеску и, встав напротив меня, спросила:

– Почему ты так решила?

– Потому что недавно сделала то же самое, только при нем.

– Но смысл включать освещение днем?

– Мам, я просто предупредила. Со мной не нужно спорить.

Она ничего не сказала. Я подошла к отцу, который присел на ближайший от двери стул и, облокотившись на стол, смотрел в одну точку.

– Пап, что-то случилось? Ты заболел?

– Нет, просто сильная слабость.

В этот момент зашел Граф. Уж кто-кто, а он был весел и бодр как никогда. Он размахивал руками и улыбался, когда проходил по залу. Просквозив мимо меня, он повернулся и лукаво подмигнул. Мальчики и мама не сводили взгляда с радостного хозяина. Тот быстро прошел в центр стола, положил руки на придвинутый стул, за которым он сидел накануне, и обвел всех своим орлиным взглядом. Мама и братья сели за стол, будто подчинившись его немоу приказу. Я не отошла от отца, лишь глаза мои были направлены на Дрэкула.

– Друзья мои! – заговорил он, словно депутат на выборах, – Я предлагаю отметить ваше пребывание у меня в гостях бокалом вина. Уверяю, такого вы еще не пробовали. – Он щелкнул пальцами, и на пороге гостиной появилась прислуга с подносом, на котором стояла бутылка с вином, украшенная выцветшей бумагой с надписями, которые мне было не разглядеть, и пять бокалов. Девушка направилась к столу и принялась расставлять приборы каждому гостю, все также не поднимая глаз. – Этому напитку уже более трехсот лет. Сказать, что оно выдержано – словно не сказать ничего!

Дрэкул был несказанно доволен собой. Он резким движением отодвинул себе стул и как-то слишком быстро очутился на нем, держа в руке бутылку.

– Отец плохо себя чувствует, думаю, ему необходим покой и сон, – прервала я веселье Графа. – Извините, но мы лучше поедem. Я знаю, кто сможет за ним присмотреть.

Конечно я имела ввиду Вэлериу. Его искусству врачевания могли бы позавидовать многие медики. Думаю, небольшое недомогание для него было бы вылечить как раз плюнуть. Дрэкул тут же изменился в лице. Он повернул ко мне голову и пристально посмотрел. Брови его сомкнулись на переносице. Видимо, хозяин не привык, чтобы ему перечили. Хотя как он мог противиться тому, чтобы отвезти больного человека лечиться. Неужели он ставил свои желания выше всего?

– Вам плохо? – обратился он к отцу нарочито медленно, подчеркнуто ласковым тоном.

– Извините мою дочку, она бывает слишком резка. Нет, у меня просто непонятная слабость.

– Тогда вам тем более нужно выпить бокал вина – это лучшее лекарство из всего, что вам могли бы предложить. Поверьте моему опыту. Бокал вина и крепкий сон. Завтра вы будете как новенький. Я лично прослежу за вашим выздоровлением.

– Как лично? – удивилась я. – Мам, разве мы больше никуда не спешим?

– Алена, успокойся, – строго ответила мама.

– Но ты ведь сама торопилась посетить все, что возможно? Посетить и уехать домой!

Я была в шоке, что она намеревалась провести здесь еще одну ночь.

– Алена, поговорим позже. Неудобно выяснять отношения при посторонних.

– Говорите-говорите, – замахал руками Граф, – не имею ничего против.

– Мам, у нас школа!

– Школа подождет! Я обеспечиваю вас впечатлениями, которые останутся вам на всю жизнь, а что даст тебе школа?

– Знания! Образование! Диплом!

Судя по виду Графа, его забавляли наши всклоки. Он использовал нас как развлечение, среди череды своих серых будней. Дрэкул просто поставил локти на стол, положил голову на руки, и с любопытством пятилетнего ребенка переводил взгляд то на меня, то на маму.

– Алена, ты живешь в своих розовых очках!

– Давай не будем, ты и понятия не имеешь как я живу! – я развернулась и пошла прочь из гостиной. На глазах были слезы. Я всегда хотела иметь маму, которая бы читала со мной книжки, обнимала, обсуждала мои влюбленности, заплетала мне косы. Но девочка выросла, а матери, о которой она так мечтала, так и не появилось. Моя душевная травма обычно вырывалась наружу под покровом ночи. Что на меня сейчас нашло, я не знаю. Я держалась за перила лестницы, к которой успела добежать и уговаривала себя успокоиться. Сзади послышался голос Темы.

– Алена, возвращайся, я не хочу кушать без тебя.

Этому мальчику я всегда хотела заполнить пробел, который некому было заполнить в моей душе. Хотела, чтобы хотя бы он был счастлив.

– Ты иди, я скоро подойду, – я постаралась ответить как можно спокойнее, но не поворачиваясь к нему.

– Хорошо.

Я слышала, как он бегом направился обратно. Тогда я убрала волосы со лба, задержав руки в таком положении. Почти смирившись с тем, что предстоит провести еще одну ночь в этом здании, я стала оглядываться по сторонам. Навстречу шла девушка с подносом. Я подбежала к ней и спросила, есть ли на первом этаже туалет. Та отвернула голову в противоположную от меня сторону и попыталась отойти. Я схватила ее за руку и нагнулась, чтобы заглянуть ей в лицо.

– Ты меня боишься? – спросила я недоуменно.

Она еще больше втянула шею в плечи.

– Хозяин приказал тебе не говорить с нами, так? Что он скрывает? Почему вы его так боитесь?

– Отпустите меня, пожалуйста!

Я обрадовалась, что она, как и Граф, знала нашу речь.

– Поговори со мной, я тебя не выдам, – взмолилась я. Ее поведение в стенах этого замка пугало меня. Почему прислуга здесь такая запуганная?

Она приподняла глаза, внимательно посмотрев на меня. Мне показалось, что она многое хочет мне рассказать, но девушка тут же покачала головой и сказала еле слышным шепотом:

– Нельзя, услышит!

Я отпустила ее руку, и она побежала в гостиную со своим подносом. Мне ничего не оставалось, как пойти наверх, в свою временную обитель, где я точно найду то, что мне было необходимо. Я дошла до своей комнаты и распахнула дверь. Первым делом я открыла шторы. Тут же сквозь окно, заделанное решеткой, прошли лучи солнца. В комнате и без того светлой, стало еще светлее и от этого как-то спокойнее. Я прошла в ванную, встала у умывальника. Лицо не выдавало моих недавних слез. Я умылась, смыв соленые дорожки. Теперь, вытираясь полотенцем, я была уверена, что никто не заметит моей недавней слабости. Я закрыла за собой дверь и вскоре присоединилась ко всем присутствующим за столом, мимолетно улыбнувшись Артему.

Граф поднял бокал и торжественно сказал:

– Когда все уже за столом, давайте выпьем за знакомство!

Мама подняла бокал, переглянувшись с Графом. Брат с радостью тоже взял напиток вишневого цвета. Из общего настроения выбивались только мы с отцом. Я налила себе в бокал сок и подняла его вверх, показывая свое смирение с неизбежным пребыванием в этом доме еще 24 часа. Отец взял фужер, но напиток выскользнул у него из рук и разлился на пол. Тут же из угла выбежала дежурившая возле стола служанка и стала истошно убирать лужу.

– Ой, простите! – извинился отец и поставил бокал, чудом уцелевший, на стол.

– Ничего, у вас будет вторая попытка, – улыбнулся Дрэкул.

Служанка, убежала с тряпкой за дверь, а следом прибежала другая, быстро налила в бокал отца вино и отошла в тот же угол, где до нее стояла ее коллега. Я удивилась такому укладу. Но тут же отвлеклась от своих мыслей. Отец поднял бокал, и мы дружно пригубили содержимое хрустальных фужеров. Сок был приятный на вкус, ну а вино, судя по восторженным отзывам матери, казалось волшебным.

– Рад, что вам пришлось по вкусу, – вежливо ответил Граф и перевел взгляд на меня. – Ну а вы, дорогая Алена, почему не стали пробовать вино?

– О, не обращайтесь внимания! – начала мама.

– Да, она у нас тот еще фрунт! – продолжил за нее Паша. – Я алкоголь не пью, кальян не курю, матом не ругаюсь! – изобразил он меня, несколько повысив голос, хотя я такое и не говорила. И посмотрел на меня с ухмылкой, – Тебе бы, сестричка, в пансионат благородных девиц!

– Очень рад такому подходу! – внезапно сказал Граф. – Истинная леди!

– Спасибо! – ответила я и отпила еще глоток сока.

– Хотя вино – напиток благородный – еще никому не мешало. Оно придает сил, будоражит ум, наполняет блаженством.

В таком духе продолжалась наша трапеза. Мы закончили завтрак. Отец немного воспрял, но все равно решил пойти прилечь на кровать. Братья побежали наверх за планшетами, а мама начала интересоваться у Графа местными достопримечательностями. Я только собралась уйти в комнату, как Дрэкул меня окликнул и попросил подождать с минуту. Я повернулась, наблюдая за беседой его с моей мамой.

– Елена Дмитриевна, я распоряжусь, чтобы мой лакей отвез вас, куда вам захочется.

– Ну что вы, мы и так многим вам обязаны!

– Нет, мне только в удовольствие принимать таких гостей у себя в замке, не чувствуете себя обязанными.

В это время в замок вошел широкоплечий, плотный мужчина, больше походивший на шкаф, нежели на человека, с квадратным лицом, маленькими глазами, крупным носом, и встал неподалеку. Граф заметил его и, сменив тон, который показывал, кто тут хозяин, приказал отвезти маму, куда она захочет и до темноты привезти в замок. Тот склонил голову, взглянул на маму и застыл в немом ожидании. Мама быстро поблагодарила Дрэкула, искрясь от счастья и пошла к выходу. Мужчина открыл ей дверь и пропустил вперед. Так они удалились из замка.

Я обратила взгляд на Графа, когда тот уже молча наблюдал за мной. Я понимала, что он ведет себя со мной не так как с остальными, но чем это было вызвано, я еще не знала. И меня пугала такая неизвестность. Особенно после случая в гостиной.

– Алена, я слышал, что вы интересуетесь книгами?

Он сделал шаг на встречу, а я отступила назад. Мне было неприятно его присутствие, хотя, если подумать, он ничем не заслужил такого к нему отношения. Но что-то во мне противилось общению с ним. Он тоже сделал шаг назад с тенью грусти в глазах.

– Я вас напугал. Извините. Хотя, чего я еще мог ожидать. Предстать в ваших глазах буквально монстром и ждать, что вы спокойно пойдете за руку с человеком, что доставил вам такие

неприятные эмоции... Поймите, мне самому не по душе моя болезнь. Я невероятно меняюсь. Лицо мое сжимается в невыносимую глазу гримасу. Поверьте мне, я становлюсь таким только из-за света. В иных случаях вы не увидите перед собой того обезображенного лица.

– Вы обращались к врачам?

– Никто не в силах помочь мне. Я вынужден прятаться от света и вести ночной образ жизни. Только в темное время суток я выхожу на свежий воздух и наслаждаюсь благоуханием природы.

– Но у вас много слуг. Чтобы платить им зарплату, содержать замок, да и себя прокормить, нужны немалые деньги. А с такой особенностью, как у вас, это делать довольно сложно...

Мне было немного не понятно, как можно примениться к подобному состоянию. Мне захотелось узнать больше о его жизни и, возможно, вывести его на чистую воду.

– Сложно, но для человека умного не бывает преград. Я веду дела из дома, переезжаю в карете, в этом мне помогают слуги, веду переговоры в замке. Не сомневайтесь, моему состоянию ничего не угрожает.

– Не сомневаюсь! – улыбнулась я.

Он снова застыл, вглядываясь мне в лицо. Я смутилась и отвела глаза.

– У вас нет родных? – спросила я первое, что пришло в голову.

– Нет, никого. Я одинок, – он вздохнул. – На протяжении долгого времени я иду по жизни один. Раньше меня это не корбило. Я наслаждался тишиной, вседозволенностью. А теперь я хочу обрести друга, соратника, жену, – он сделал небольшую паузу и потом добавил, как бы невзначай – у вас очень красивая улыбка.

Я старалась не смотреть на Графа, хотя успела догадаться о его намерениях, на которые он так непрозрачно намекал. Но я все еще делала вид, что не понимаю его.

– Спасибо. Так почему вы меня остановили?

– Ах, да! У меня прекрасная библиотека! Уверен, вы найдете там много всего интересного! Пойдемте!

Он, не спрашивая, взял мою руку, положил себе в локтевой изгиб, и мы пошли с ним, спешными шагами за лестницу. Оказывается, там располагалась еще одна дверь. Дрэкул распахнул ее передо мной, и я увидела стеллажи до самого потолка. Я в абсолютном восторге зашла в библиотеку. Кругом одни книги, вместо стен. На потолке была большая роскошная люстра с сотней лампочек, а недалеко от входа стояло два кресла, небольшой столик и камин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.